

Из фондов Российской государственной библиотеки

Джанашия, Н.
Абхазский культ и быт

Москва
Российская государственная библиотека
2004

Джанашия, Н.

Абхазский культ и быт [Электронный ресурс] :
отдельный оттиск из Христианского Востока, том 5,
выпуск 3 / Н. Джанашия. - М.: РГБ, 2004. - (Из фондов
Российской государственной библиотеки)

Текст воспроизводится по экземпляру, находящемуся в
фонде РГБ:

Джанашия, Н.

Абхазский культ и быт

Типография Академии наук, 1917

Российская государственная библиотека, 2004
(электронный текст)

Отдѣльный оттискъ изъ Христіанскаго Востока.

Томъ V, выпускъ III.

Н. ДЖАНАШИЯ.

АБХАЗСКІЙ КУЛЬТЬ И БЫТЬ.

ПЕТРОГРАДЪ.

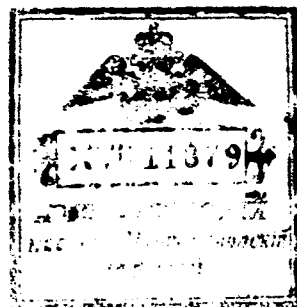
ТИПОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 зин., № 12.

1917.

2004126303

Абхазскій культъ и бытъ.

(Въ предѣлахъ Абжу).

Работая надъ религіозными вѣрованіями абхазовъ, теперь уже изданными въ XV (т. IV, стр. 73—112), я возымѣлъ мысль посылить исчерпать достушные мнѣ матеріалы, относящіяся къ этой духовной сторонѣ абхазской жизни, присоединивъ къ нимъ свѣдѣнія о тѣсно связанныхъ съ религіею обычаяхъ и общественныхъ играхъ и разбивъ все на три главы (II—IV): «Культъ мертвыхъ», «Свадебные обычай» и «Обычая, соблюдаемые при рожденіи и воспитаніи дѣтей». Въ отпечатанной части религіозныхъ вѣрованій я держался главнымъ образомъ праздниковъ въ порядкѣ годовичнаго цикла, здѣсь же, въ I-й главѣ настоящей статьи, я восполняю изложеніе новыми данными о божествахъ и ихъ переживаніяхъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь мое описаніе ограничивается предѣлами Абжу, т. е. Абжува или Абжуи, расположенной въ средней части Абхазіи, именно въ Кодорскомъ участкѣ Сухумскаго округа, въ которыхъ иногда вынуждаетъ насъ выходить лишь тѣсная связь съ югомъ, не только съ Самурзаканью абхазской, но и съ чисто мингрельскимъ краемъ. И въ собраніи предлагаемыхъ ниже матеріаловъ я пользовался при провѣркѣ и восполненіи моихъ свѣдѣній и наблюденій помощью Комиссіи, составъ которой указанъ въ статьѣ «Религіозныя вѣрованія абхазовъ» (XV, IV, 1915, стр. 73). Пробѣлъ, получающійся за отсутствіемъ описанія юридическаго быта, хотѣлось бы мнѣ восполнить особой работой отъ абхазскихъ адатахъ, вообще о народномъ судѣ и правѣ.

I. Религіозныя вѣрованія.

1. Āgərdə-nəḥa (или a-salərtə).

Первое названіе — āgərdə-nəḥa > āgərd-nəḥa — въ переводѣ означаетъ «мингрельскую молитву», а второе — a-salərtə (м. სასაღერტო saalərtə) значить «то, что относится къ || принадлежитъ Алерту», или, вѣрнѣе,

св. Георгію Алертскому, находящемуся въ Мингрели въ с. Алерт-и. Его еще называютъ агэг-пейѣа или агэгѣ-пейѣа, значеніе то-же самое.

Это какъ бы злой духъ головной боли, «особенно ашакикъ» (а-шакік, г. აშაკიკი)—мигрени, кровотеченія изъ носа и неудержанія мочи (აქადჯეტა). Этому духу молятся, когда больной страдаетъ обыкновенно одною изъ этихъ болѣзней. Жертвоприношенія ему происходятъ съ 1 сентября по январь. Въ честь его зарывается не обыкновенный кавказскій винный кувшинъ, а почему-то простой кувшинъ со дномъ, какъ у простыхъ горшковъ. Ему въ жертву приносятъ четыре «акваваръ» исключительно изъ муки гоми и черную курочку, которая еще не несла яицъ. При жертвоприношеніи горить только одна свѣча.

2. Апѣрга — злой духъ желудочныхъ заболѣваній.

Когда кто-нибудь страдаетъ желудочными заболѣваніями, обращаются къ духу А-пѣрга (м. ბჟგბჟ ნაგრა). Прежде всего кладется залогъ въ знакъ вѣрнаго исполненія своего обѣта. Это дѣлается такъ: изъ виноградной лозы готовятъ кругъ; его-то молящійся и обноситъ трижды вокругъ головы больного, также обносятся отдѣльно 10—15 к. и рубль; потомъ кругъ изъ лозы и 10—15 к., назначенныхъ для покупки а-кѣбар (м. კუბარის კუბარ-ი) *маленькаго виннаго кувшина* прячутся въ винномъ погребѣ (აუფარა), а пѣлковый, предназначенный для покупки жертвеннаго барашка, кладется въ изголовье больного. По выздоровленіи больного въ жертву Апѣрга закалывается барашекъ, и готовятся «аквавары», которые и приносятся въ винномъ погребѣ. Здѣсь же зарывается и а-кѣбар, который ежегодно осенью наполняется виномъ. Послѣ перваго жертвоприношенія молятся надъ кувшиномъ только «хлѣбомъ», но должны принести эту жертву до рождественскаго поста. Тѣ же, которые не хотятъ сдѣлаться вѣчными данниками Апѣрга, первую жертву приносятъ ему въ лѣсу, а потомъ здѣсь же высоко на деревѣ вѣшается на красной ниткѣ дощечка-планка а-фѣрѣита (г. აფრეიტის ფრეიტა), чѣмъ и прекращается въ дальнѣйшемъ служеніе ему.

3. Апѣргѣгъ — духъ занозы (сыпи).

По моему, этотъ терминъ состоитъ изъ трехъ корней: а-пѣгѣ *заноза*, а-гѣгѣ *мяздо* (въ данномъ случаѣ), а-гѣгѣ *сыня (самецъ)*. Къ помощи этого духа обращаются, когда человекъ заболѣваетъ занозою или покроется злокачественною сыпью. Больного ставятъ на камни и въ жертву Апѣргѣгѣ приносятъ «акваваръ», причемъ умоляютъ его «отпустить», освободить больного.

4. Аумĥагшĥа — «воклюшь».

При этой болѣзни, какъ при кори, больныхъ проводятъ подь корнями грецкаго орѣха (дерева).

5. Аbətə — «корь».

То же самое.

6. Егѣш (или Егѣш-kān).

А-гѣшга — «бѣленіе холста», «катаніе».

Ерышь (или Ерыш-канъ)—богъ ткацкаго ремесла. Обыкновенно ему приносятъ жертву, когда приступаютъ къ тканью. Приносятъ нынѣ только «аквакваръ», но что абхазы старались особенно угодить ему, видно изъ того, что до сихъ поръ остались различные привѣты въ разное время работы ткача; такъ, если вы застаете при натягиваніи основъ, должны сказать: Егѣш, Егѣш-кан, magđanə yaʃəpəŋqə *Ерышь, Ерыш-канъ, доведи до конца и остатки оставь*.

Если уже ткуть, нужно сказать или «поскорѣй докончить тебѣ», или же «asa-ĥa sǎəyt» *пришелъ взять «аса»* (по-грузински — ღგოძო dgiš-1, ღგოძობო Iapađm1 по Чуб. — «гребень ткачей», «берца»).

Если застаете, когда валяютъ сукно, должны привѣтствовать: «Я пришелъ, чтобы взять ачѣлтъ» «aʃəlt-ĥa sǎəyt», т. е. «скорѣе докончить тебѣ». Ачѣлтъ (a-ʃəlt, м. ზჯელტო ʃelt-1) — «плетенка», на которой валяютъ. Со словъ Мушвагва Ченгелія у меня записано:

„Нѣкогда одна дѣвица ткала въ день Благовѣщенія. Прохожій замѣтилъ ей: «Почему ты работаешь? вѣдь сегодня праздникъ Благовѣщенія!» — «Я не знаю, что такое Благовѣщеніе. Да удостойтъ меня Господь увидѣть моего единственнаго брата, находящагося на войнѣ, на котораго и тку». Послѣ этихъ словъ она окаменѣла со своимъ станкомъ; и до сихъ поръ она въ такомъ положеніи. Только каждый годъ въ день Благовѣщенія она оживаетъ и произноситъ: «Я не знаю, что такое Благовѣщеніе. Да удостойтъ и т. д.», и опять каменѣетъ“.

7. Моленіе духу хлопка.

Многіе въ сел. Адзюбика молятся духу хлопка. Варятъ въ большомъ количествѣ «аквакваръ»; старшая женщина въ священный для данной семьи день, принося эти «акваквары» въ жертву на хлопковой нивѣ (плантаціи), проситъ духа хлопка дать хорошій его урожай.

8. Моленіе духу шелковичныхъ червей.

Также приносятся «акваквары» этому духу въ томъ помѣщеніи, въ которомъ шелковичные черви находятся, причѣмъ молящаяся обыкновенно произноситъ: «Великій богъ akànt (м. კანტი kant-i)! принося жертву по примѣру нашихъ отцовъ, смиренно просимъ дать намъ хорошій урожай коконовъ».

9. kıkıu-nəḥa (моленіе духу льна).

При сборѣ льна приносили жертву духу льна «Квиквинь»-у. Сему богу обыкновенно приносится безкровная жертва — «аквакварь»; обрядъ моленія богамъ хлопка, шелковичныхъ червей и льна (a-qəḅə) обыкновенно совершается по понедѣльникамъ и четвергамъ. Квиквинь — женскаго пола, и жертва приносится ей женщиною.

10. Adgıl-dedo/uḥal (ადგილ-დედო/უჲალ).

При нѣкоторыхъ видахъ заболѣваній (a-bàbaga — «желтуха и отекъ») прибѣгаютъ къ помощи Адгил-дедо/уḥалъ *царицы земли*: adgıl — «земля», dedo/uḥal — «царица»: г. დედოფალი dedoḥal-i (დედოფალი dedoḥal-i) — «царица». Моленіе совершается такъ: печется на очагѣ начиненный сыромъ чурекъ; къ четыремъ угламъ его прикрѣпляются восковыя свѣчи; около чурека же колѣнопреклоненно стоитъ больная (-ая), при этомъ семь чистыхъ женщинъ произносятъ за него поочередно молитву, въ коей просятъ царицу землю смилостивиться надъ больнымъ и послать ему теплоту своихъ очей и сердца и т. п.

Кромѣ того, абхазъ, когда селится на новое мѣсто, приносить часто умилостивительную жертву землѣ. Я былъ очевидцемъ слѣдующаго случая: зарѣзали барана, испекли чурекъ и принесли въ жертву; при чемъ землѣ принесли въ даръ шелковую матерію и мелкія монеты — серебряныя и мѣдныя: деньги и матерію забрали молещицы.

Весною, когда первую наса́дку съ цыплятами пересаживаютъ съ гнѣзда на землю, старшая женщина тоже приносить чурекъ въ жертву духу земли.

Моленіе землѣ приурочивается ко вторнику — a-yàḥa.

Также см. культъ земли въ главѣ «Обычаи, соблюдаемые при рожденіи и воспитаніи дѣтей»¹⁾ и «Сборъ лѣкарственныхъ травъ»²⁾.

11. Dəḍlan, Dəḥkar.

Абхазамъ Dəḍlan — «мать воды», aḡə Dəḥkar — «золотая владычица воды» представляется въ образѣ прекрасной дѣвы. Живетъ она въ чертогахъ

1) См. ниже, стр. 204, 205,

2) XV, IV, 1915, стр. 87.

въ глубинѣ водъ. Прекрасные золотистые кудри ея доходятъ до ступней, при чемъ пятки у нея — спереди, а ступни — сзади: вотъ почему ее невозможно повалить на спину. Владычица воды имѣетъ зеркало, въ которомъ отражается все, что происходитъ на свѣтѣ: у нея поэтому вся вселенная какъ на ладони. Какъ дочери аѳеуршай, она тоже часто находится въ супружескихъ сношеніяхъ съ красивѣйшими людьми. Такъ, она влюбилась въ красавца абхаза, сына вдовы, плѣнила его и цѣлый годъ держала у себя, а потомъ отпустила съ большими подарками. Если заручится человекъ пучкомъ волосъ ея или кусочкомъ ногтя, то она будетъ въ рабскомъ услуженіи у него, пока не отберетъ своей вещицы: то же самое можно продѣлать и съ чортомъ¹⁾.

Владычица воды наноситъ страшный вредъ человѣчеству: она входитъ въ непочтительныхъ людей, особенно въ женщинъ, и сводитъ ихъ съ ума. Въ такихъ несчастныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ помощи тѣхъ, въ услуженіи коихъ она находится: эти лица властно изгоняютъ ее изъ больныхъ. Какъ только такое лицо показывалось во дворѣ больной, послѣдняя начинала страшно ломаться, корчиться и говорить: «Я уже ей принадлежу! Чего тебѣ надо отъ меня?». Исцѣлитель властно приказывалъ: «*Dəđlan*, выходи вонъ! Тебѣ не мѣсто тамъ, гдѣ я присутствую! Выходи поскорѣе, *Dəđlan*, и освободи мою больную!» И владычица водъ оставляла больную. Комиссія²⁾ подчеркнула имена двухъ лицъ, имѣвшихъ особую власть надъ матерью воды: это Мустафа Хаджглейпа и Мустафа Инал-ипа. Оказывается, у нихъ у обоихъ въ услуженіи находилась владычица водъ.

Смотри также ея культъ:

1) Шествіе къ водѣ невѣсты въ «Свадебныхъ обычаяхъ»³⁾).

2) Шествіе роженицы съ ребенкомъ въ «Обычаяхъ, соблюдаемыхъ при рожденіи и воспитаніи дѣтей»⁴⁾).

12. *Dıwɔw*⁵⁾.

Во время засухи абхазы устраивали (и нынѣ устраиваютъ во многихъ мѣстахъ) особое религиозное шествіе къ рѣкѣ, извѣстное подъ именемъ *Dıwɔw*⁶⁾. Слово это, по моему, — сложное и состоитъ изъ *a-đə voda* и

1) См. XV, IV, 1915, стр. 102—103.

2) ц. с., стр. 73.

3) ниже, стр. 201.

4) ниже, стр. 206

5) См. грузинскій журналъ Моамбэ 1897, II. Статья эта, какъ всѣ переведенныя съ грузинскаго языка мои работы, исправлена и дополнена.

6) Объ этомъ у меня говорится въ Моамбэ, въ частности о томъ, что нынѣ *Dıwɔw* устраивается только дѣтьми, что и дѣйствительно относительно насъ, адзюбжинцевъ. Но во

а-п (> а-у)-гà *имѣть возможность достать что-либо*; послѣднее слово еще означаетъ *итти* относительно дождя, снѣга; наприм.: asə awòyt (aop. ayt) — «снѣгъ идетъ»; aqà awòyt — «дождь идетъ», Dìwòw — «тотъ, кто имѣетъ воду, кто имѣетъ возможность дать воду». Шествіе это состоитъ въ слѣдующемъ: большую куклу (почти въ ростъ человѣка) насаживаютъ на длинный шестъ («а во многихъ селахъ сажали на лошадь, на осла», добавила Комиссія) и съ пѣніемъ исключительно въ этихъ случаяхъ употребляющейся пѣсни несутъ ее къ рѣкѣ. Всѣ въ праздничномъ одѣяніи. Вотъ слова этой пѣсни:

Dìwòw, Dìwòw-a!

Ḍàgıqaa markəld-a!¹⁾

Àh-ıfà dedəšpòt (-wout)! — сынъ владѣтеля жаждетъ.

wəuɾəm — вина не пьеть, ḍıwəwəm — воды не можетъ достать.

Abɟək.àrak²⁾ eymidòt (-wout) всѣ семи ручейковъ обыскиваетъ (во всѣхъ семи ручейкахъ ищетъ воды).

Ḍəhàə, ḍəhàə!³⁾ — Дай воды намъ, дай воды намъ!⁴⁾

Выраженіе ḍàgıqaa не означаетъ ли «темная дождевая вода»? — ḍarı вм. ḍ *вода*, qaa — отъ àqa-euqa *дождь темный*, обычнаго выраженія у абхазовъ. При этомъ объясненіи эти стишки можно перевести такъ:

Dìwòw, Dìwòw-a!

(Ты,) жемчужная дождевая вода!⁵⁾

Сынъ владѣтеля жаждетъ воды:

Вина не пьеть, воды не достаетъ,

Во всѣхъ семи ручьяхъ ищетъ воды.

Дай воды намъ, дай воды намъ!»

Съ пѣніемъ этихъ стишковъ подходятъ къ рѣкѣ, опускаютъ Dìwòw въ воду и мочатъ его. При этомъ же они другъ друга бросаютъ въ воду въ полномъ одѣяніи и мокнутъ. Кроме того, атарцы устраиваютъ а-tiŭ (г. ɟəzə tiv-ı) *плотъ*, на которомъ разводится огонь, и пускаютъ его по те-

многихъ мѣстахъ Абхазіи, какъ, напр., въ селѣ Атара (рядомъ съ Адзюбжой), въ устройствѣ Дзивова принимаютъ участіе и взрослые.

1) a-markəld — г. ḍəgıqaa markəld-ı жемчужный.

2) Вар. ak.àraqa *ручьи*.

3) Вар. ḍəqətək, ḍəqətək *немного воды! немного воды!*

[4] См. Н. Марръ, О религіозныхъ вѣрованіяхъ абхазовъ (ХВ, 1915, IV), стр. 130, гдѣ, къ сожалѣнію, вкрались опечатки.] *Ред.*

5) Вѣрнѣе: «Ты, источникъ жемчужной дождевой темной воды!»

ченію воды. Это, вѣроятно, символъ того, что, молъ, настала такая страшная засуха, что даже и вода горитъ.

Характерна и абхазская пословица: *Адә амџа акѣг ызловгѣџи?* — «Если вода загорится, чѣмъ ее потушить?»

Существуютъ и слѣдующія повѣрія:

1) если дно рѣки вспахать, то пойдетъ дождь; поэтому при *Діwdw* часто вспахиваютъ дно рѣки; 2) если кость утопленника бросить въ воду, то пойдетъ дождь; 3) часто дѣтей поощряютъ убивать лягушекъ и бросать ихъ въ воду: вѣрное средство.

13. *Аџи-цѣџа*¹⁾ — Общественная молитва.

По глубокому убѣжденію абхазовъ, засухою Всевышній наказываетъ ихъ за то, что они провинились передъ нимъ чѣмъ-нибудь, а потому умиловательными жертвоприношеніями нужно искупить свою вину и отвлечь кару Его отъ себя.

Въ назначенный день народъ собирается и даетъ обѣтъ Богу, что они честно исполнять завѣщанное отцами служеніе Ему и просятъ простить имъ согрѣшенія ихъ вольныя и невольныя.

Тогда же изъ среды своихъ же сочленовъ избираютъ людей, которые берутся за извѣстное вознагражденіе доставить и приготовить жертвенныхъ животныхъ, обыкновенно быковъ, число коихъ зависитъ отъ количества членовъ «*ацу*» — «общества». Вотъ эти-то лица въ назначенный день (у насъ, въ Адзюбѣ, обыкновенно воскресный день) и на назначенное мѣсто у берега рѣки приводятъ своихъ быковъ. Народъ уже съ утра собирается. Всѣ въ праздничныхъ костюмахъ. Масса дѣтей и женщинъ, хотя послѣднія прежде не допускались на эту общественную молитву. Впрочемъ, имъ и сейчасъ не разрѣшается участвовать въ обѣдѣ и вообще кушать мясо этихъ жертвенныхъ животныхъ: онѣ поэтому послѣ молитвы расходятся. Всякій отдѣльный дымъ старается доставить для своихъ членовъ и гостей побольше провизіи: муки, вина, сыру и «а-хачапур» (*a-čatapur* изъ грузинскаго, абх. *a-čapčamgal*), при чемъ устраиваются складчины по группамъ, по околodkaмъ. Каждый околодокъ избираетъ преимущественно изъ молодыхъ людей нѣсколько лицъ, которыя сьорганизовали бы имъ обѣдъ. На первомъ сходѣ

1) *Ацу* — «село». Это рѣдко употребляемое старинное слово, поэтому привожу и слѣдующія съ этимъ корнемъ слова: *а-пубкара* (*a-čubjaga*) *проселочная дорога*, *а-цута* (*a-čudžā*) *мѣсто усадьбы или усадьба, гдѣ нимъ никто не живетъ, вымерли*. См. Моамбэ 1897, II.

избранныя лица обязаны только доставить животныхъ, приготовить (сварить) и распределить мясо.

Вотъ собрался народъ. Старики, которые должны принести жертву, закалываютъ жертвенныхъ животныхъ, причемъ произносятъ краткую молитву о ниспосланіи дождя. При закалываніи животное обращено лицомъ (головою) къ востоку, а спиною къ сѣверу. Въ кровь его обмакиваютъ горящую головешку; это вообще при всѣхъ убояхъ скота практикуется, причемъ абхазъ увѣренъ, что отъ этого мясо дѣлается вкуснѣе.

Когда все готово, и священникъ вернулся съ обѣдни, на которой кромѣ него да его причетника, вѣроятно, никто не присутствовалъ, приступаютъ къ жертвоприношенію. Сначала, если сельчане—христиане, служится «молебень во время бездождія»: его слушаетъ народъ не съ должнымъ вниманіемъ. Послѣ священника выступаютъ на арену старики-молебщики. Они стоятъ передъ высокимъ «ашвамкятъ» (а-шамкәд), покрытымъ зеленью; на немъ лежатъ: лучшіе куски мяса, 5 «аквакваръ»; передъ нимъ въ большихъ корзинахъ все мясо, тамъ же шкуры жертвенныхъ животныхъ. Печень и сердце каждаго животного нанизываются на фундуковыя палочки аѣ. Вотъ съ этими палочками въ однѣхъ рукахъ, а въ другихъ со стаканами вина и горящими свѣчами молятся старики. Весь народъ на колѣнахъ стоитъ смиренно. Ни звука вы не услышите. Старикъ проситъ Всевышняго простить грѣхи селенію, смилостивиться надъ нимъ и дать имъ дождь. «Ниспошли теплоту Твоихъ глазъ и любовь Твоего сердца на насъ! Пошли намъ дождь и тѣмъ дай намъ возможность служить вѣрно Тебѣ!» говоритъ молящійся. Народъ отвѣчаетъ ему «а́мэнь». Происходитъ возліаніе вина на сердце и печень. Послѣ этого молятся второй и третій. А потомъ поется такъ называемая аугэг-афра, т. е. «пѣсня горя»¹⁾, своего рода божественное пѣснопѣніе, исполняемое въ исключительныхъ случаяхъ.

Послѣ жертвоприношенія мясо дѣлятъ на столько кусковъ, сколько дымовъ принимаетъ участіе въ жертвоприношеніи, предварительно выдѣливъ для гостей ихъ доли-порціи. Больнымъ и тѣмъ, которые почему-либо не могли лично принять участіе, посылаютъ ихъ доли на домъ. Народъ садится на зелень и принимается за обѣдъ.

Шкуры жертвенныхъ животныхъ по обычаю принадлежатъ тѣмъ, кто молится за «ацу», и священнику часто достается одна изъ нихъ.

Абхазы не zapomнятъ, чтобы Богъ не посылалъ имъ дождя, разъ они совершили эту молитву.

1) У абхазовъ на всякій жизненный случай сложена отдѣльная, самостоятельная «пѣсня»: къ сожалѣнію, ихъ пока никто не собираетъ!

14. Afə¹⁾ (Афы).

По увѣренію абхазовъ, Господь Богъ мечетъ молніеносные удары, чтобы напугать діавола. Я какъ-то уже въ одномъ мѣстѣ отмѣтилъ, что Вседержитель не имѣетъ права убить діавола, какъ родственника Своего — племянника, именно — сына сестры. Самъ громовой ударъ — это огромная «пуля», осколки коей они находятъ въ землѣ подь тѣми деревьями, которыя разрушены ударомъ.

Во время грозы абхазъ, если находится на дворѣ, сбрасываетъ съ себя газирѣ, чтобы въ нихъ не скрылся преслѣдуемый Богомъ діаволь, и тѣмъ не привлекъ на него, абхаза, удара, и стремится укрыться подь грабовое дерево. Какъ я уже отмѣтилъ²⁾, мать Бога изъ мингрельскаго княжескаго рода Хеція (Мхеидзе), а этотъ родъ находится въ родствѣ съ грабомъ — «ахапа» (Хеція — Хеѣна: а-ѣаѣа > а-ѣаѣа), и поэтому Онъ никогда не мечетъ своихъ ударовъ на «ахапа» (а-ѣаѣа *грабъ*). «Никогда ни одинъ абхазъ не видѣлъ, чтобы громовой ударъ упалъ на грабъ», пояснила Комиссія.

Во время грозы подь кровлею находящійся абхазъ не выходитъ на дворъ и призываетъ милость Божию на людей и животныхъ.

Великое несчастье для абхаза, если на него или на его домъ (или скотъ) упалъ громовой ударъ: значитъ, онъ разгнѣвалъ Бога, духъ Котораго отошелъ отъ него, а потому діаволь искалъ въ немъ убѣжище! Значитъ, онъ — великій грѣшникъ предъ Богомъ, а потому нужно искупить свои грѣхи умилостивительными жертвоприношеніями.

Сперва глава семьи въ присутствіи тутъ же колѣнопреклоненно стоящихъ всѣхъ членовъ даетъ обѣтъ Богу, что онъ въ точности исполнитъ всѣ указанія знахарки³⁾ и принесетъ обычную искупительную жертву, и при этомъ проситъ послать Свою милость. Этотъ обѣтъ дается тамъ, гдѣ произошелъ ударъ. Потомъ присгупаютъ къ уборкѣ предмета, на который упалъ громъ; соприкасаются съ этимъ предметомъ безъ Аф-рашва *пѣсни Афа* (Af-гаѣа) запрещается: какъ бы легокъ ни былъ этотъ предметъ, безъ этой пѣсни его нельзя поднять. Если это домъ, то въ немъ нельзя жить; если — дерево, то ни плодами его, ни имъ самимъ нельзя пользоваться, чтобы не вызвать гнѣвъ Бога вторично; если это — животное, то его съ почестями нужно «убрать». Убираютъ гдѣ-нибудь на окраинѣ села, въ лѣсу, гдѣ строится высокий «ашвамкятъ». Народъ съ пѣніемъ, въ два хора, «Аф-рашва» несетъ на ру-

1) См. Моамбэ 1897, II.

2) XV, IV, 1915, стр. 76.

3) Собственно «жрицы-гадалышцы»

какъ громомъ убитую тварь. Первый хоръ поетъ: Wày etlar!, второй — Aудар etlar!, первый — ƒƒɔnar etlar!, второй — Ètlar ƒƒɔnar! Айтаръ намъ уже извѣстенъ, а отъ поясненія остальныхъ словъ приходится отказаться.

Убитую молніей тварь кладутъ на «ашвамкятъ», чтобы не осквернить «царицу земли», по увѣреніямъ однихъ, а по увѣреніямъ другихъ — чтобы не осквернить самой твари преданіемъ ея землѣ. Мы присоединяемся къ первому мнѣнію. Мнѣ не удалось выяснитъ, хоронили ли встарину громовымъ ударомъ убитого человѣка, или его тоже клали на «ашвамкятъ» навсегда¹⁾.

Послѣ того уже приступаютъ къ принесенію искупительнаго жертвоприношенія. Нужно прибѣгнуть и къ помощи знахарки, указывающей число, лѣта и цвѣта жертвенныхъ животныхъ и порядокъ моленія, «отцовскій», всѣмъ извѣстный. Жертвенныя животныя должны быть «чисто бѣлыя», т. е. безъ черныхъ волосинокъ (ақъдъ еуқаѣазлѣм). Порядокъ самаго моленія слѣдующій. Со дня несчастья до совершенія моленія вся семья, а часто вся та часть рода (фамиліи), которая происходитъ отъ ближайшаго одного родоначальника и называется тѣақъагакъ еуқузшаз (тѣахъаракъ ейқузшаз), т. е. «тѣ, которые раздѣлили огонь», празднуетъ: этотъ промежутокъ времени священенъ для абхаза, и онъ проводитъ его въ полной праздности, — даже соръ изъ дома не выносятся, чтобы не нарушить праздника. Бываетъ и такъ, что по указанію знахарокъ всѣ тѣ жители даннаго села, которые носятъ такую же фамилію, какъ и несчастная семья, должны принять участіе въ этомъ моленіи и празднествѣ. Насталъ и день жертвоприношенія: этимъ днемъ непременно долженъ быть тотъ день недѣли, когда постигло ихъ это величайшее несчастье. Народъ съ утра уже началъ стекаться къ тому мѣсту, гдѣ произошло несчастье: здѣсь происходитъ моленіе. Всѣ члены семьи (или рода) наряжены въ бѣлое платье, и въ знакъ покорности шен ихъ обвиты надъочажными желѣзными цѣпами, коими привѣшиваются котлы надъ очагомъ, когда варится пища. Эти цѣпи называются архнышна (а-гънѣшна, м. бѣѣ паѣа). При закалываніи всѣ стоятъ на колѣняхъ позади жертвенныхъ животныхъ. Молещикъ произноситъ краткую молитву

1) Нынѣ громовымъ ударомъ убитого человѣка кладутъ тутъ же на «ашвамкятъ» при пѣніи «А-Фрашва», а потомъ уже хоронятъ. Такое лицо не оплакивается: запрещается. Ему не устраиваютъ гроба и хоронятъ его въ томъ оубѣнни, въ которомъ онъ убитъ. Замѣчаніе паревича Вахупта о томъ, что въ его время «абхазы не хоронили своихъ покойниковъ, а клали высоко на деревѣ» справедливо только, можетъ быть, относительно громовымъ ударомъ убитыхъ людей.

и закальваетъ. Народъ, стоящій полукругомъ позади «виновныхъ», поетъ въ два хора «АФ-рашва». Виновные три раза оборачиваются справа налево и крестятся, если, конечно, они—христиане. Народъ цѣлый день веселится и поетъ «Божью цѣсню». Когда жертва готова, начинается моленіе. На «ашвамкятъ» кладутся лучшіе куски туши жертвенныхъ животныхъ и столько «акваваръ», сколько виновныхъ, и одинъ ачъ (а-дъ *хлѣбъ*), только побольше размѣромъ, за весь родъ. «Виновные» (izq̄aḡaḡaz) съ цѣпями на шеѣ стоятъ на колѣняхъ передъ «ашвамкятъ», народъ же ихъ окружаетъ полукругомъ. Молещикъ съ печенью и сердцемъ въ рукѣ произноситъ молитву, смыслъ которой приблизительно таковъ: «Великій Боже! Глубоко сознавъ свою вину, родъ сей (или семья) приноситъ Тебѣ по примѣру отцовъ нашихъ и по указанію Твоихъ гадалыщницъ искупительную жертву и колѣнопреклоненно проситъ простить ему грѣхи его, вольные и невольные. И мы, народъ, просимъ Тебя, прости и верни имъ Свою милость и тѣмъ удостой ихъ вѣчнаго служенія Твоего» и т. д. Трижды поется «АФ-рашва», причемъ первымъ начинаетъ молещикъ; при этомъ происходитъ обычное возліяніе вина на сердце и печень. Виновные крестятся и молятся. Послѣ этого подъ звуки «АФ-рашва» исполняется хороводный «Божій танецъ», причемъ посреди круга стоятъ виновные, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ тоже вводятъ въ хороводъ и заставляютъ танцевать со своими цѣпами. Потомъ народъ садится на землю и обѣдаетъ. Танцы и веселье продолжаются до самаго вечера. Цѣпи въ этотъ день снимаются.

Жертвенныя животныя — холощенные козлы: мяса ихъ нельзя брать домой, а то можно навлечь на себя гнѣвъ Божій.

Этимъ не заканчиваются мытарства несчастныхъ «виновныхъ»: тотъ день недѣли, когда постигло ихъ несчастіе, должны праздновать, пока будетъ существовать хоть одинъ человекъ изъ этого рода; по прекращеніи мужской линіи это обязательство переходитъ и на членовъ по женской линіи, какъ бы далеко ни отстояли они въ родственномъ отношеніи. Вообще должно отмѣтить, что, по моему, родовое, а часто и семейное или личное празднованіе одного дня (или двухъ, трехъ дней) недѣли въ большинствѣ случаевъ имѣетъ своимъ источникомъ «Афы» (А-фѣ) и культъ кузни. «Личное» празднованіе — это означаетъ, что какое-либо лицо семьи заболѣло, и вотъ знахари могутъ лично его обязать праздновать 1 день недѣли: это обязательство переходитъ только къ его потомству.

Въ этотъ священный день абсолютно запрещается всякая работа: въ эти дни нельзя ни оплакивать, ни хоронить своихъ покойниковъ; даже огня

(спички или головешки) не даютъ никому. Дворъ и домъ можно подметать, но сора нельзя выносить!

Жертву должны приносить, если не ежегодно, то въ три года одинъ разъ: на этихъ жертвоприношеніяхъ уже не поется Божья пѣсня.

Рога жертвенныхъ животныхъ остаются на мѣстѣ моленія, а шкуры принадлежатъ моельщику.

15. Анапа-шаѳа — аѳараѳа или сокращенно: Ашаѳа.

Анапа по моему отъ ап — «мать», а-шаѳа — «творцы», «творящіе» — отъ глагола ашара = а-шага *творить* (еще означаетъ *дѣлать*); аѳараѳа *дѣлающіе* — отъ глагола а-ѳарага *дѣлать*, напр., глиняную посуду, арбу и пр.; въ переводѣ означаетъ «творящую, дѣлающую мать».

Молодая женщина по выходѣ замужъ получаетъ отъ родителей молодую нетельную и нестельную корову; сначала ей посылаютъ кусочекъ праваго уха этой коровы и серебряную монету, которые молодая абхазка должна зашить въ сафьянъ и въ такомъ видѣ носить ихъ всю жизнь. Корова эта—аѳаѳ для данной женщины: пока она не состарится, ея нельзя ни убивать, ни продавать; если она околѣетъ, или ее зарѣжутъ по старости, то одну изъ ея потомства должны пустить въ аѳаѳ. Впрочемъ, всѣ аѳаѳ'ы подчинены этому правилу. Сколько бы замужнихъ женщинъ ни было въ семьѣ, всѣ онѣ имѣютъ свою корову аѳаѳ. Бычки отъ этихъ коровъ приносятся въ жертву Анапа-шаѳа; каждый годъ, когда бычка нѣтъ, взаменъ его закалываютъ двухъ каплуновъ, готовятся четыре «акваквар»а и одинъ продолговатый хлѣбъ «ача-гвазалъ» (а-ѳаѳазал) и при одной свѣчѣ приносятъ все это Анаѳ. Молится непременно женщина, причемъ она проситъ, чтобы «великая богиня умножила родъ ея, сдѣлала ея дѣторожденіе безболѣзненнымъ, дала бы ей столько дѣтей, сколько слѣдуетъ» и т. д.

«Нѣтъ въ Абхазіи ни одной женщины, которая бы этой богинѣ не молилась», добавила Комиссія.

16. Аѳ-дѳи букв. «голова-большая».

Этотъ богъ у насъ уже забывается; со словъ матери у меня записано, что этому сильному и гнѣвному божеству приносился въ жертву исключительно бугай и то въ лѣсу. Женскому полу запрещалось посѣщать это моленіе. Данная семья выбирала красиваго бычка въ своемъ стадѣ или въ чужомъ, откармливала его въ теченіе пяти, шести лѣтъ и потомъ приносила въ жертву. Холостить его запрещалось; при жертвоприношеніи къ рогамъ

его прикрѣпляли по одной свѣчѣ. «Аккаквар»ы должны быть непременно пшеничные. Кожа принадлежит моельщику.

17. Yañzəmdərka həzədərz — «богъ, котораго мы не могли познать, но онъ насъ позналъ», т. е. «невѣдомый богъ»¹⁾.

18. Sənfə-hazmadəw — «богъ, которому мы въ этомъ году подчинены (находимся подъ его покровительствомъ)».

Культа этихъ двухъ боговъ мнѣ не удалось возстановить: имъ у насъ уже не приносятъ жертвы.

19. Шапшə-çajāñ — богъ кузниц²⁾.

Въ религиозной жизни современныхъ абхазовъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ занимаетъ культъ кузницы, извѣстный въ обыденной жизни подъ именемъ адиг-пəһа, т. е. «моленіе кузницъ» (адига — ажира). Богъ же кузницы — Шапшə-çajāñ (Шашв-хяхъ) — «Шашв — золотой владѣтель (царь)» или вѣрнѣе — «золотой владыка Шашв». Обыкновенно ежегодное приношеніе жертвы этому богу приурочивается къ кануну Нового года, называемаго абхазами мингрелизованнымъ терминомъ «хечхвама»³⁾. Но многіе моленіе это совершаютъ послѣ Нового года въ первый свой священный день, и то непременно подъ вечеръ. Какъ вообще у абхазовъ, и въ данномъ случаѣ данниками бога кузницы могутъ быть зачастую и не всѣ члены семьи: обязаны служить ему только тѣ, на которыхъ онъ проявилъ свое могущество, ниспославъ на нихъ болѣзни; отъ нихъ же это служеніе богу кузницы переходитъ на ихъ потомство. Можетъ, конечно, великій богъ Шапшə и по боковой линіи проявить свою волю, свое могущество.

Жертву приносятъ обыкновенно такъ. Если въ родѣ имѣется кузнецъ, то моленіе происходитъ у него. Онъ лично приноситъ холощеннаго козла за всѣхъ членовъ рода, обязанныхъ у него молиться. Каждый же членъ долженъ принести по одному пѣтуху и по одному «аккакваръ». Всѣ молящіеся со своими жертвами направляются въ кузницу. Впереди всѣхъ съ печенью и сердцемъ жертвеннаго животнаго шествуетъ кузнецъ-моельщикъ. Всѣ становятся передъ наковальнею. Зажигаются, по показанію однихъ, семь свѣчей, а по сви-

1) У мингреловъ существуетъ культъ этому божеству подъ названіемъ *həzədərz* — «предназначенный непознаваемому, невѣдомому».

2) См. Моамбэ 1899, IV.

3) Первоначально я производилъ «хечхвама» отъ мин. *həzədərz* моленіе руки, и культъ кузницы сопоставлялъ съ м. *həzədərz* (см. у I. Кипшидзе), а теперь — отъ м. *həzədərz* моленіе свиньи. Интересно сравнить съ св. *həzədərz* и м. *həzədərz* (см. *həzədərz* у I. Кипшидзе).

дѣтельству другихъ—столько свѣчей, сколько лицъ участвуетъ въ жертвоприношеніи. Молещикъ сначала произноситъ общую молитву приблизительно слѣдующаго содержанія: «Великій Шапѣ, которому подчинены семь иконъ¹⁾, и которому зажигаются семь свѣчей, слышишь? (iwa-hawata?). Мы по примѣру отцовъ нашихъ съ жертвою стоимъ смиренно передъ тобою и просимъ принять отъ насъ эту жертву и быть покровителемъ нашимъ: и дома, и внѣ дома, и въ пути, и въ лѣсу, и въ водѣ и на деревѣ» и т. д. перечисляетъ. «Пошли на насъ теплоту глазъ своихъ» и т. д. Слѣдуетъ ударъ молотомъ по наковальнѣ, и, какъ увѣряютъ одни, вопросъ «слышишь?» Затѣмъ возліяніе весны на печень и сердце. Послѣ этого молещикъ молится лично за себя: держитъ въ рукахъ своего пѣтуха, «акваварь» и вино. По окончаніи моленія возліяніе вина и ударъ молота по наковальнѣ, а потомъ вопросъ «слышишь?». Въ такомъ порядкѣ онъ молится за cadaго изъ нихъ по старшинству. Во многихъ семьяхъ не ударяютъ молотомъ о наковальню.

Послѣ жертвоприношенія всѣ возвращаются въ домъ кузнеца и принимаются за ужинъ. Сколько бы ни осталось отъ ужина, все принадлежитъ кузнецу.

Многія семьи богу кузни приносятъ въ жертву вмѣсто холощенаго козла поросенка²⁾. Родъ же Ченгелія въ с. Адзюбжѣ молится Шапѣ въ великій четвергъ, причемъ въ жертву приносятъ цостныя блюда. У многихъ зарыты и кувшины въ честь бога кузни.

При смерти кузнеца (ажій — aji), обязанности его по службѣ Шапѣ переходятъ къ старшему сыну. Если же семья совершенно вымираетъ, то эти обязанности переходятъ къ ближайшему старшему въ родѣ. Новый заступникъ рода передъ Шапѣ за свое старшинство долженъ принести двѣ жертвы: одну въ домъ кузнеца и другую — въ своемъ домѣ. Число, возрастъ и цвѣтъ жертвенныхъ животныхъ опредѣляетъ, по обыкновенію, знахарка. Послѣ такого принятія обязанностей вымершаго рода кузнецъ — данное лицо — исполняетъ ежегодныя жертвоприношенія, причемъ остальные члены рода должны обращаться къ его посредничеству: они всѣ у него молятся независимо отъ того, знаетъ онъ это ремесло (кузнечное) или нѣтъ.

1) т. е. боговъ; буквально: «который достаетъ, извлекаетъ (изъ глубины) — iðəzgoð (iðəzgo) — семь иконъ»: ð-ð-gaga — «извлекать || доставать что-либо изъ глубины».

2) Одинъ мнѣ извѣстный родъ не ѣстъ свинины и всеже приносить въ жертву поросенка, мясо котораго всѣ члены должны положить въ ротъ себѣ и трижды какъ бы откусить, а потомъ выплюнуть. Мясо обернуто въ бумагу.

При вымпираніи семьи кузнеца, кто желаетъ, можетъ такимъ же путемъ «выдѣлаться» и перенести культъ кузни въ свой домъ: обыкновенно въ такихъ случаяхъ устраивается плетенка на подобіе кузни во дворѣ, кладется въ ней наковальня, и въ этой то плетенкѣ и совершается моленіе кузни данною семьею. Часто обходятся и безъ этой плетенки. Нужно отмѣтить, что постройки для «ажира» обыкновенно устраиваются иначе, чѣмъ постройки для жилья: при постройкѣ «пацх» для жилья колья вертикальны, а хворостъ горизонталенъ, а для кузни — наоборотъ.

Какъ выше замѣчено, «ажира» передается по наслѣдству по прямой линіи, притомъ по мужской. Дочери же лично обязаны служить Щапѣ своего рода, но дѣти дочерей освобождаются отъ этого: только при вымпираніи всего рода матери къ нимъ, дѣтямъ, переходитъ и культъ кузни ихъ. Послѣ первыхъ родовъ молодая абхазка должна «помолиться подъ ажира» (аҭапѣҭага) своихъ родителей, причемъ она приноситъ въ жертву холощеннаго козла; а потомъ ежегодно ею обычно приносятся пѣтухъ и «аквакварь».

«Ажія» (а-ҭіа или а-ҭіу), — «кузнеца», какъ представителя великаго бога Щапѣ, всѣ боятся, боятся его проклятія. Боятся, конечно, своихъ кузнецовъ и своихъ боговъ кузни больше, чѣмъ другихъ: послѣдніе не такъ страшны для вѣрующаго абхаза, если въ ней не принять ложной присяги.

Насколько силенъ страхъ абхазовъ передъ Щапѣ, видно, между прочимъ, изъ того, что если, напримѣръ, на фруктовомъ деревѣ кузнецъ повѣситъ шлакъ — аҭіаҭа буквально *пометъ «ажира»*, то дѣти перестаютъ пользоваться его плодами.

До сихъ поръ для доказательства своей невиновности абхазы принимаютъ присягу передъ Щапѣ въ кузницѣ. Въ недавнемъ прошломъ всѣ мелкія дѣла разбирались при помощи присяги передъ наковальнею, а въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ прибѣгали къ присягѣ передъ иконою св. Георгія Илорскаго или Дыдырышшъ (Дѣдэгѣш). И теперь абхазъ скорѣе приметъ ложную присягу въ приходской церкви, чѣмъ въ своей кузнѣ. Присяга принимается такъ. Человѣкъ, принимающій присягу, со своими соприсягателями стоитъ передъ наковальнею съ молотомъ въ рукахъ и говоритъ: «Великій Щапѣ, которому покорны семь боговъ, и которому ставятъ семь свѣчей, слышишь? Да пожретъ меня огонь твой (свѣблăйт = səwblăyt *да буду сожженъ я тобою*), если я виновенъ въ этомъ дѣлѣ!» и ударяетъ молотомъ по наковальнѣ. Соприсягатели тоже подтверждаютъ подъ присягою его невиновность. Послѣ этого онъ оправданъ. Тяжущіяся стороны съ этого дня уже чуждаются другъ друга: «Между нами великій богъ Щапѣ!» говорятъ они и, чтобы

его не разгнѣвать, прекращаютъ всякія отношенія: даже головешки не передадутъ другъ другу.

За присягу кузнецъ получаетъ вознагражденія: копѣекъ 20—50 за каждаго, или отъ 1 рубля до 3 руб. за всѣхъ.

Сельскіе судьи до назначенія присяги спрашиваютъ обвиняемаго: «Не былъ ли ты когда-либо наказанъ богомъ «Щащѣ»?» (букв. «повалень» — уканажхеума = ukanãdřewma?). Если онъ былъ наказанъ этимъ богомъ, то ему не дадутъ присяги передъ «Щащѣ», чтобы не оскорбить послѣдняго и тѣмъ не навлечь вновь его гнѣва на ложно присягавшаго.

Конечно, правовѣрный абхазъ боится принять ложную присягу, но можетъ случиться, что онъ ее принялъ, солгалъ передъ «Щащѣ»: такой абхазъ находится всегда подъ страхомъ, не накажетъ ли богъ его за ложь. И вотъ, когда кто-либо изъ членовъ его семьи (или лично самъ) заболѣетъ, опять выступаетъ на сцену знахарка, по указанію коей онъ долженъ отмолиться, принести искупительную жертву богу Щащѣ въ той кузницѣ, въ которой онъ солгалъ передъ нимъ. Порядокъ умилостивленія разгнѣваннаго бога уже намъ извѣстенъ, а потому не буду его описывать. Только, чтобы умилостивить «Щащѣ», нужно удовлетворить впередъ то лицо, которое привлекло къ присягѣ: безъ этого условія жертва не будетъ принята. Послѣ приношенія искупительной жертвы, обѣ стороны должны другъ друга искупить и помириться передъ богомъ кузни точно такъ же, какъ нами описано это взаимное благословеніе передъ Илорскимъ св. Георгіемъ¹⁾.

Если принесшій ложную присягу передъ «Щащѣ» до сихъ поръ не обязанъ былъ совершать моленіе кузнѣ, то съ этого момента онъ уже дѣлается «данникомъ» его (абх. іқир на немъ естѣ). Часто дѣло не ограничивается только этимъ: одного изъ своихъ дѣтей повинный долженъ посвятить на служеніе богу Щащѣ. Впрочемъ, такое посвященіе можетъ быть вызываемо не только ложною присягою, но и другими способами привлеченія на себя гнѣва великаго бога. Посвященный богу кузни мальчикъ не имѣетъ права изучить какое-либо другое ремесло, кромѣ кузнечнаго: ему даже въ школу ходить воспрещается!

Когда подростъ посвященный мальчикъ (при посвященіи ему обжигаютъ волосы), его на три года отдаютъ кузнецу въ ученье, причемъ при поступленіи онъ приноситъ въ жертву холоднаго козла, пѣтуха, «аквакварь» и свѣчу. Молитву произноситъ кузнецъ, послѣ чего онъ считается принятымъ. По объясненію кузнеца Османа Камкія, ученикъ а-matãçа (г. де-вѣозу)

1) ХВ, IV, 1915, стр. 93.

moṭaṣe) долженъ былъ платить своему учителю за обученіе различно: кто обучался изготовленію оружія, тотъ платилъ 8 коровъ¹⁾ и 8 рубл. наличными; кто обучался только изготовленію курковъ и прикладовъ, тотъ платилъ 5 коровъ и 5 рублей и т. д. При этомъ первую половину этой платы за ученіе онъ давалъ при поступленіи, а вторую — при окончаніи ученія.

По окончаніи ученія а-маѣра вновь приноситъ въ жертву «Шашвъ» холощеннаго козла, «аквакваръ» и свѣчу. Молится учитель-кузнецъ, который проситъ бога кузниц, чтобы онъ удостоилъ ученика самостоятельнаго служенія ему, «Шашвъ». Послѣ этого ученикъ уже самостоятельный жрецъ бога. Молодой кузнецъ сейчасъ уплываетъ своему учителю условленную вторую половину платы за ученіе. Учитель же съ своей стороны награждаетъ его нужными инструментами: наковальнею, молотомъ, щипцами и проч.

Молодой кузнецъ по возвращеніи домой опять приноситъ такую же жертву Шашѣ въ своей вновь выстроенной кузнѣ, и съ этого дня онъ полноправный членъ своей корпораціи—жрецовъ-кузнецовъ: онъ уже облеченъ во всѣ права и обязанности кузнеца.

Въ доброе, старое время, когда заводскія желѣзныя издѣлія не такъ легко появлялись на абхазскомъ рынкѣ, въ организаціи общества кузнецы занимали весьма почетное мѣсто и какъ ремесленники. Кузнецъ обязанъ былъ своему околотку даромъ готовить всѣ тѣ орудія и инструменты, которые ему были доступны; желѣзо, сталь и уголь доставляло само населеніе и при изготовленіи этихъ предметовъ тоже помогало. Зато каждый дворъ долженъ былъ въ пользу кузнеца въ году нѣсколько дней отработать: помогали ему во время вспашки, мотыженія и сбора кукурузы и винограда по одному дню. Это обязательство оставалось въ силѣ для двора независимо отъ того, изготовилъ ли ему въ данномъ году кузнецъ что-либо или нѣтъ.

Нужно ли въ заключеніе отмѣтить, что и великій Шашвъ сталъ постепенно «гаснуть»: и его могущество не устояло противъ новыхъ вѣяній.

Привѣсокъ къ части о богѣ кузни.

1. Клятва надъочажными цѣпями.

До сихъ поръ абхазъ божится надъочажными цѣпями, причемъ говорить «Abri ḷaḷaḷe sōwāut!» «Да получу проклятіе (буквально «болѣзнь глаза») этой (цѣпи)», и трясетъ цѣпью (а-гәфнәшпа).

1) Повидимому, корова служила денежною единицею въ Абхазіи при куплѣ-продажѣ и оцѣнивалась въ послѣднее время въ 10 рублей.

2. Аупаг-цѣу — «кузнецъ Айнара».

Въ абхазскихъ легендахъ и сказаніяхъ (такъ, наприм., въ сказаніи о 101 Нартѣ) часто упоминается о кузнецѣ Айнара — Аупаг-цѣу. Кто такой этотъ кузнецъ, и что за личность самъ Айнаръ, пока трудно уяснить. Вотъ что записано объ этомъ кузнецѣ у меня со словъ кузнеца Османа Камкія:

«Встарину, когда люди-богатыри вели борьбу съ дивами, а особенно въ славное время Нартовъ, жилъ кузнецъ по имени Аупаг-цѣу. Ему стальные его колѣни служили наковальнею, правый кулакъ — чугуннымъ молотомъ. а лѣвая рука — щипцами. Онъ дѣлалъ исключительно мѣдныя издѣлія. Также Айнаръ-ижій клалъ мѣдную заплату на черепъ или на другія кости скелета, когда людямъ-богатырямъ дивы наносили переломъ костей. Вотъ почему въ пещерахъ горъ до сихъ поръ находятъ черепа съ мѣдною запла-тою. Предъ смертью Айнар-ижій попросилъ Создателя передать (научить) его ремесло и людямъ съ тѣмъ, однако, чтобы они не умѣли спаивать металлъ такъ, чтобы швы не были видны, какъ дѣлалъ самъ. Господь исполнилъ его просьбу, а потому у нашихъ котловъ швы видны», закончилъ Османъ.

3. Священный огонь.

При появленіи мора животныхъ, абхазы тушатъ всѣ огни и раздо-бываютъ священный огонь, потомъ разводять большіе костры, между ко-торыхъ проводятъ всѣхъ домашнихъ животныхъ и людей. Священный огонь добывается треніемъ сухихъ фундуковыхъ палокъ, причемъ при тре-ніи поютъ пѣсню горя — аугаг-аша. Всѣ должны развести у себя дома вновь огонь отъ этого священнаго огня, для чего каждый беретъ по головешкѣ.

Кстати отмѣчу, что считается сильнымъ проклятіемъ, если сказать: «Umša qəfəyt!» — «да погаснетъ твоя доля огня!».

II. Культъ мертвыхъ. Болѣзни, причины и способы леченія ихъ.

По глубокому вѣрованію абхазовъ, всякая болѣзнь, ниспосланная аб-хазу свыше, это кара боговъ или духовъ за неповиновеніе или ослушаніе воли ихъ. Какъ я уже замѣтилъ въ своемъ мѣстѣ¹⁾, само привѣтствіе абхазовъ при встрѣчѣ выражается такъ: на вопросъ «какъ твое здоровье»? абхазъ отвѣчаетъ «хар сымамъ» (qar sɛmam), т. е. «я не провинился, нѣтъ у меня вины, надо мною не тяготѣть вина», иначе — «я здоровъ». Заболѣть это значить провиниться предъ богами или духами умершихъ предковъ,

1) XV, IV, стр. 95—96.

которые (боги и духи) держатъ правобѣрныхъ абхазовъ въ своемъ безусловномъ подчиненіи подь страхомъ болѣзней и смерти. Вотъ почему такъ свято служатъ абхазы своимъ богамъ и духамъ предковъ. Свои прегрѣшенія свои «вины» абхазы искупаютъ «искупительными жертвоприношеніями».

Какъ только заболѣетъ кто-либо, сейчасъ родственники его обращаются къ помощи *аѣшәѣ* — «гадальщика»¹⁾ (*а-ѣшәѣ* отъ *а-ѣшга* *смотреть, глядеть, вникать, гадать*, вторая же часть *ѣ* — корень отъ слова *а-оѣ*²⁾ *человѣкъ*, т. е. «человѣкъ, гадающій» или «гадальщикъ»), и *аѣлаѣ* — «прорицательницы» (прорицаютъ въ большинствѣ случаевъ женщины). Они опредѣляютъ: 1) предъ кѣмъ провинился больной (или его родня, за прегрѣшенія коей онъ и наказывается), и 2) какъ и чѣмъ искупить свою вину. Гадальщицы гадаютъ на зернахъ фасоли — *акъуд-гѣрага* (*акъуд* — «люблю», «фасоль», *а-гѣрага* — «заставитъ прыгать») и на картахъ — *ашаѣ-гѣрага* (*а-шаѣ* — «карты»). Прорицатели (*а-ѣлаѣ*: *а-ѣлага* — «подниматься», «взбираться выше», *ѣ* — корень отъ слова *а-оѣ*³⁾ *человѣкъ*, значить, *а-ѣлаѣ* — «человѣкъ, поднимающійся выше къ небесамъ») должны имѣть передъ собою или самого больного, или же какую-нибудь изъ его вещей — *акъѣ* (*а-къѣга* — «отдѣлять || отламывать что-либо», «отучать отъ чего-либо»), чтобы вѣрно опредѣлить причину болѣзни — «амзызъ» (*а-мзѣз*) и способъ умиловленія разгнѣваннаго бога или духа. Общее названіе прорицателей *аѣѣ* *вопрошатель, вопрошающій, -ая* отъ *а-ѣга* *спрашивать*.

Не всегда человѣкъ готовъ къ искупительнымъ жертвоприношеніямъ а потому родные больного или больной, по указанію гадальщицъ и прорицательницъ, даютъ обѣтъ — *ѣгѣ* (*а-ѣ* — «ротъ», *гѣ* — «даютъ»; *а-ѣгага* — «обѣтъ», г. *ѣгѣ* *аѣ-ѣгага* < *аѣ-ѣгага*), что они честно исполнять для искупленія своей вины всѣ указанія ихъ. Также обѣтъ дается часто до того, пока прибѣгаютъ къ помощи гадальщицъ и прорицательницъ.

Другой, болѣе вѣрный видъ отсрочиванія искупительныхъ жертвоприношеній — это *ѣшас*, т. е. «залогъ». Старшій въ родѣ (или въ домѣ) обводитъ (обноситъ) трижды около головы больного золотую или серебряную монету, оружіе, мѣдный котелъ или мѣдный рукомоиникъ и проситъ всѣхъ своихъ долей боговъ и духовъ предковъ — *аѣѣ-ѣкѣ* (*аѣѣ* — «поле», *ѣкѣ* — «находящійся», т. е. «внѣ дома находящійся» (духъ), ставится большею частью

1) См. Моамбэ 1898, VII.

[2] — *ѣ* суффиксъ имени дѣйствующаго лица, а не корень отъ слова *а-оѣ* *человѣкъ*, какъ предполагалъ и Усларъ.] *Ред.*

[3] См. прим. 2.] *Ред.*

въ единственномъ числѣ) умилостивиться надъ ними, дать имъ время для искупительныхъ жертвоприношеній. «Ашась» *залогъ* кладется или вѣшается гдѣ нибудь на чистомъ мѣстѣ, и его нельзя трогать до обряда совершенія искупительныхъ жертвоприношеній. Обрядъ заклада или внесенія залога— «ашась» называется ахкушарà (а-хы—«голова», а-кушара—«обносить || обводить || обходить вокругъ чего или кого-либо»). «Ашась» еще называется афәпәһѣ: а-фәпәһгà — «обводить || кружить || возвращать назадъ что-либо». Слово афәпәһѣ въ данномъ случаѣ больше въ употребленіи, чѣмъ «ашась», употребляемое и въ обыкновенномъ смыслѣ залога въ повседневной жизни.

Часто прибѣгаютъ и къ слѣдующему средству. Подъ вечеръ на дворъ выводятъ съ ногъ до головы облаченного въ бѣлое платье больного и сажаютъ; вокругъ него трижды водятъ покрытую бѣлымъ саваномъ молодую, красивую кобылицу или жеребца (можно телца или корову), причемъ совершающая этотъ обрядъ старая, чистая женщина (иногда и старикъ) бросаетъ на животное 20 маленькихъ фундуковыхъ палочекъ, а двумя фундуковыми же хвостинами бьетъ животное. Она при этомъ произноситъ приблизительно слѣдующую молитву: «Великій домъ великихъ ивонъ (т. е. боговъ) и Афәп-әкәв, покровители сего дома (или рода)! Когѣнопреклоненно просимъ васъ: умилосердитесь надъ провинившейся семьею, простите имъ грѣхи вольные и невольные. Въ залогъ вѣрности служенія вамъ приносятся сіе чистое животное. Простите грѣхи сему больному и дайте ему возможность свято исполнять свой долгъ предъ вами и впредь» и т. д.; при этомъ дается обѣтъ свято принести искупительную жертву по указаніямъ прорицательницъ и гадалыницъ.

Абхазъ увѣренъ, что, если чистосердечно исполнить этотъ обрядъ, больной выздоравливаетъ и его болѣзни переходятъ къ животному, которое и погибаетъ. Для спасенія послѣдняго его трижды «обводятъ» пѣтушкомъ, къ которому переходятъ болѣзни отъ животного: пѣтушокъ этотъ погибаетъ; во всякомъ случаѣ его нельзя ѣсть.

Выкупъ залога и исполненіе обѣта при всякомъ исходѣ болѣзни обязательны. Искупительныя жертвы чаще всего приносятся богамъ гдѣ-нибудь у опушки лѣса подъ прохлаждающею тѣнью «чистыхъ» деревьевъ: дуба или граба. Въ жертву приносятся холощенные козлы, число, возрастъ и цвѣтъ коихъ опредѣляются знахарками. Молится обыкновенно старшій въ родѣ или въ общинѣ. Больной тутъ же на лицо. Я выше отмѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ жертвоприношеній женскій полъ не имѣетъ правъ принимать участія, кромѣ больной. Это для лицъ женскаго пола своего рода

табу. По окончаніи жертвоприношенія три ножки «ашвамкятъ» рубятся. рога жертвенныхъ животныхъ вѣшаются тутъ же на дерево, а кожа принадлежитъ тому, кто совершилъ обрядъ жертвоприношенія.

При заболѣваніяхъ абхазъ часто прибѣгаетъ къ помощи муллъ, которые лѣчатъ больныхъ клочками бумажекъ, исписанныхъ стихами изъ Корана. Эти бумажки называются а-цѣкѣ книга (у грузинъ онѣ извѣстны подъ именемъ ავგაროზი avgagoz-i «книга Авгаря» — талисманъ). Часто такими книжками-треугольниками, зашитыми въ сафьянъ, увѣшаны груди больныхъ. Онѣ являются украшеніями и для любимыхъ лошадей: вѣрное и испытанное средство отъ дурного глаза. Нечего и говорить, что въ обиходѣ у абхазовъ есть и лѣкарства, роль коихъ доведена до минимума.

«Ачайшара» (a-taššara). Заболѣть кто-нибудь, такъ — весь околодокъ по очереди дежуритъ ночью у больного до исхода болѣзни. Такія ночныя дежурства извѣстны у абхазовъ подъ названіемъ «ачайшара» — a-taššara (г. ღამისთვაჲ gamis-deva, м. სერისთვაჲ seris-tašva). На эти «ачайшара» собирается особенно молодежь, которая въ смѣхѣ и веселіи проводить всю ночь напролетъ въ той же комнатѣ, гдѣ лежитъ больной. Тутъ и гаданіе счастья, и игра на «ачамгур»ѣ (a-šamgür, г. чонгур-и) и на айхярца (ašqarča — «двухструнная скрипка»), пѣніе, отгадываніе загадокъ, рассказы сказокъ и легендъ и т. д. Эти «ачайшара» — самая лучшая школа для распространенія устной народной словесности. Здѣсь завязывалась и разсвѣтала не одна любовь черноокихъ абхазокъ и ихъ поклонниковъ...

Смерть и оплакиваніе. Первую вѣсть о смерти абхазы, а особенно абхазки встрѣчаютъ со страшнымъ воплемъ и рыданіемъ: близкія родственницы рвутъ на себѣ волосы, царапаютъ себѣ ногтями лицо и грудь, ударяются головою о различные предметы и т. д. Онѣ представляютъ изъ себя душу раздирающую картину. Первый безсвязный плачь на подобіе крика называется аһ.һага вой, крикъ. За воемъ слѣдуетъ уже причитаніе: одна начинаетъ причитывать и плакать, а потомъ другая продолжаетъ, такъ и смѣняютъ онѣ другъ друга. Этотъ видъ оплакиванія называется «а-мыткма» (a-mëtka, г. მოძრაძა mo-šqma, м. მოკვდავთა მოკვდავთა). Эти «амыткма» замѣчательны у абхазокъ, у которыхъ нѣтъ института наемныхъ плакальщицъ: всѣ онѣ замѣчательныя плакальщицы. Покойнаго все село оплакиваетъ: узнавъ о смерти кого-либо, всякій считаетъ себя обязаннымъ явиться къ покойному и оплакать его. День похоронъ оповѣщается особо. Въ этотъ день являются почти всѣ сельчане, родственники и дальніе знакомые. Женщины — близкія родственницы съ распущенными волосами издали начинаютъ свой аһ.һага, а мужчины, войдя во дворъ, подходятъ къ столу, кладутъ на него оружіе и го-

крышкою — а-кѣба (г. ჯრება kubo). За симиъ вынось тѣла, причемъ родня, какая бы погода ни была, провожаетъ его до могилы босою. Покойникъ хоронится въ новомъ платьѣ. При вынось тѣла покойника, если онъ старшій въ семьѣ, черезъ крышу дома перебрасывается веревка, и за концы ея крѣпко держатся люди: они «связываютъ домъ», какъ выражаются абхазы. При вынось же тѣла грудного младенца, мать его какъ бы связывается: ей на шею накидывается надъочажная цѣпь — «арыхнышна»; а по другой версиі — она три раза проводится черезъ кольцо (кругъ) двухъ сплетенныхъ надъочажныхъ цѣпей. При вынось же со двора трижды опускается гробъ на землю, послѣ чего грѣшно (ignahawp) плакать. Послѣ выноса со двора покойника одною изъ чистыхъ женщинъ подметается домъ, при чемъ съ соромъ и метла выбрасывается, тоже и у мингреловъ.

Аншанъ (а-ншан). По вынось тѣла, вся одежда покойника (или покойницы) приводится въ порядокъ, какъ бы спящій человекъ въ полномъ одѣяніи лежитъ на тахтѣ: это и называется «а-ншанъ». Въ продолженіе сорока дней (а иногда и дальѣ) запоздавшіе родственники и знакомые оплакиваютъ покойника передъ этимъ «аншанъ». Послѣ этого убираютъ, хотя при надобности опять готовятъ его.

Взаимопомощь. У насъ, въ с. Адзюбжѣ, при похоронахъ устраиваются и угощенія гостей: всѣхъ должны накормить и напоить. Прежде для этой цѣли каждый сосѣдъ обязанъ былъ приносить большой чурекъ, начиненный орѣхами, а сосѣдки здѣсь же готовили похлебку изъ фасоли. Въ послѣднее время этотъ обычай переходитъ въ область преданій, а угощаютъ гостей уже хлѣбомъ, причемъ каждый дворъ обязанъ принести отъ 20 коп. до 10 рублей и болѣе, смотря по состоянію и по степени близости родства. Эта помощь называется агагаѣ «то, что кладется сверху», «дается». Эти приношенія принимаются только въ томъ случаѣ, если годовичныхъ поминковъ не думаютъ справлять. Вообще абхазы въ высшей степени общительный народъ: и въ горѣ, и въ радости они помогаютъ другъ другу; у нихъ ничто не дѣлается за плату въ этихъ случаяхъ: даже могилы у нихъ роются по очереди сосѣдами бесплатно.

Кладбище. Общихъ сельскихъ кладбищъ у нихъ нѣтъ; если все-таки на прекрасныхъ холмикахъ и лужайкахъ встрѣчаются групповыя кладбища, то это родовыя. Хоронить покойниковъ при церквахъ начали въ послѣднее время. И христіане и мусульмане хоронятся вмѣстѣ: религіознаго антагонизма у абхазовъ нѣтъ. Вообще абхазы хоронятъ своихъ покойниковъ въ ими же излюбленныхъ мѣстахъ: въ садахъ, на холмикахъ, при проѣзжихъ дорогахъ подъ тѣнью столѣтнихъ деревьевъ и т. д. Поэтому по всѣмъ

селямъ разбросаны абхазскія кладбища, надъ коими большею частью воздвигнуты небольшія крытыя постройки въ видѣ бесѣдокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ а-ħađđəp (αῖθῶσῶζζῶβ).

Àçpħa воспитанникъ, -ница. Смерть воспитанника одно изъ величайшихъ несчастій для того рода, кто его воспиталъ. И потому всякая кормлица-абхазка часто молится: «Да не удостоить меня Богъ увидѣть смерть моего воспитанника!» Весь родъ воспитателей въ продолженіе сорока дней валяется передъ «аншапъ» воспитанника на сырой землѣ: всѣ босы, въ траурѣ, женщины въ язвахъ. Трудно передать картину ихъ несчастнѣйшаго состоянія. И неудивительно: до сихъ поръ ни одна родственная связь въ Абхазіи не сильна въ той степени, какъ связь воспитанника съ воспитавшимъ его родомъ. На то и свое социальное оправданіе, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Тотъ родъ, у котораго есть воспитанникъ, не имѣетъ, по обычаю, права ношенія обыкновеннаго траура (чернаго коленкора) по другимъ близкимъ умершимъ, рвать на себѣ одежду и волосы, царапать лицо, ходить босою. Они носятъ въ знакъ траура черный ситецъ по своимъ близкимъ покойникамъ.

Постъ. Со дня смерти до похоронъ родственники и всѣ друзья постятся: не принимаютъ ни мясной, ни молочной пищи. Со дня же похоронъ до а-sābšađə постятся всѣ домашніе и ближайшіе родственники. Часто матери и сестры по цѣлымъ годамъ отказываются отъ мясной пищи.

Отрощеніе волосъ. Всѣ близкіе родственники покойника въ знакъ траура отращиваютъ себѣ волосы до совершенія главныхъ поминокъ, которыя обыкновенно справляются черезъ годъ послѣ смерти. Не разъ слышалъ я отъ абхазовъ, что на томъ свѣтѣ эти волосы даютъ прохладную тѣнь душамъ покойниковъ, по комъ носятъ. Послѣ поминокъ волосы снимаются, причемъ первый клочекъ волосъ отрѣзываетъ тотъ, кого родственники хотятъ имѣть взаменъ покойника: такая родственная связь очень сильна у абхазовъ. Обрядъ этотъ называется «ахахукацсарà» (a-ħaħəkařsağà—«бросать || снимать волосы съ головы»). У мингреловъ тоже существуетъ этотъ обрядъ.

Водвореніе (возвращеніе) душъ. Сугубое несчастіе постигаетъ абхаза, если онъ утонетъ, или упадетъ съ дерева или со скалы и умретъ. Души этихъ несчастныхъ обречены за неимѣніемъ пріюта (тѣла) на тоскливое годичное блужданіе и вопли: по ночамъ онѣ бродятъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ разстались со своими земными пріютами-тѣлами, и жалобно ищутъ ихъ. Вотъ почему абхазы прилагаютъ всѣ усилія, чтобы соединить эти несчастныя души съ ихъ тѣлами. Прежде всего разыскивается трупъ и обычнымъ порядкомъ предается землѣ, при этомъ, если человекъ упалъ съ

дерева, то дерево это срубается, ибо въ немъ. значить, поселился злой духъ дерева. Если со скалы слетѣлъ, то отъ нея отламываются куски, чѣмъ и разрушается обиталище злого духа горъ. Потомъ приступаютъ къ розыску души несчастнаго. Если обычно до похоронъ родственники и сосѣди покойника прекращаютъ всѣ работы, то въ такихъ случаяхъ вся община, прекративъ работы, ищетъ душу несчастнаго. Розыски происходятъ такъ. Вся община, переодѣвшись въ бѣлое праздничное платье, является на берегъ рѣки (къ дереву, скалѣ), въ волнахъ которой погнбъ покойникъ. Къ ней прибавляются другіе общинники. Народъ дѣлится на двѣ половины и занимаетъ по одному берегу. Черезъ рѣку, откуда былъ вытасченъ трупъ покойника, протягивается новый шелковый (гдѣ возможно, позолоченный) шнуръ, на которомъ виситъ съ обѣихъ сторонъ очищенный, еще не бывшій въ употребленіи бурдюкъ-мѣхъ (à-ñàñà—зѣзззз, м. бѣзззз ñàğñà), съ открытымъ концомъ. У этого конца стоитъ самое близкое и любимое покойникомъ лицо. Собравшіеся на обохъ берегахъ рѣки мужчины и женщины поютъ пѣсни подъ звуки чонгур-и и айхярца. Лицо, стоящее у бурдюка, приглашаетъ душу утопленника войти въ него и отправиться вмѣстѣ съ нимъ на мѣсто вѣчнаго упокоенія. «Не бойся меня», говоритъ онъ, «ты знаешь, что я тебя любилъ и люблю и никогда не измѣню тебѣ. Довѣрься мнѣ, войди въ бурдюкъ и тѣмъ успокой народъ, который, какъ ты самъ видишь, тебя ждетъ здѣсь съ плясками и веселіемъ. Идемъ вмѣстѣ къ твоей могилѣ!» и т. д. Блуждавшая душа входитъ въ мѣхъ, концы котораго завязываются шелковыми шнурами и съ пѣніемъ и плясками несутъ ее (душу) на кладбище, гдѣ развязывается конецъ мѣха, и она выпускается въ могилу утопленника. Народъ расходится по домамъ, весьма счастливый и довольный своимъ успѣхомъ. Если трупъ утопленника не найденъ, то, естественно, и души его нельзя водворить. Такая душа въ продолженіе цѣлаго года по ночамъ жалобно воетъ и ищетъ свой трупъ, но тщетно.

Водвореніе душъ упавшихъ съ дерева и горы происходятъ тѣмъ же порядкомъ, только шнуръ протягивается надъ мѣстомъ гибели покойника. Этотъ обрядъ называется а-фзэдгагà (ацсыггара — зѣзззззззз): афэд душа, а-дгагà *вынуть* изъ чего либо. Неводворенная душа превращается въ а-ğarðlàğ: она отъ живыхъ ушла, и къ мертвымъ не пристала. У гурійцевъ извѣстенъ бѣзззззззззз ñvarðlàğ-1, какъ вампиръ (ушырь).

À-ушарглага. À-ушва — «длинный и узкій столъ» (м. зѣзззззззззз tabak-1), а-г-гдàлага — «ставить», «постановка», àушарглага — «постановка», «накрытіе стола». Подъ этимъ названіемъ извѣстны приношенія пици мертвымъ, ихъ угощенія. Тотчасъ же послѣ смерти у изголовья покойника накрывается столъ,

на который подаются излюбленные имъ блюда. Тутъ же дымящаяся трубка, если только онъ куритъ. Если христiанинъ, горитъ и свѣча. Эти приношенiя за каждымъ обѣдомъ и ужиномъ повторяются до сорока дней. Съ этого же дня до годичныхъ поминокъ подается его доля пищи (порцiя) на общiй столъ, при чемъ подъ вечеръ каждой субботы особо готовится ужинъ изъ лучшихъ блюдъ, въ посту—постныхъ, а въ обычное время—скоромныхъ. Адуца ставится у открытыхъ дверей, и на нее ставятся подаваемые кушанiя. Горитъ свѣча. Тамъ же и жаръ для асакумалъ (a-sakmal, г. სკუმალ sakmeI-1 < სკუმეველ sa-kmeveI-1 [**sa-kwem-el-1*]), т. е. ладана. Старшiй въ семьѣ приглашаетъ душу покойника принять пищу, причемъ отрѣзываетъ и отламываетъ кусочки отъ кушанiй и возливаетъ вино на нихъ, а потомъ кусочекъ ладана кладетъ на жаръ. Его примѣру слѣдуютъ всѣ взрослые. Минутъ десять всѣ стоятъ молча. Въ это время черезъ эти двери нельзя ни входить, ни выходить, чтобы не помѣшать. Этимъ не кончаются заботы живыхъ о насыщени души мертвыхъ.

Вѣчное помпновение усопшихъ. Такiя же приношенiя происходятъ повсемѣстно на второй день св. Пасхи, въ день Петра и Павла — Портаба (Pertaba), въ дни Успенiя Богородицы и Рождества Христова. Эти приношенiя общiя — для всѣхъ новыхъ и старыхъ покойниковъ, которыхъ при этомъ просятъ «быть защитниками и покровителями ихъ во всѣхъ явленiяхъ жизни». «Не лишайте насъ за наше невидѣние теплоты глазъ вашихъ и любви сердецъ вашихъ! Умножьте нашъ родъ, чтобы онъ могъ достойно служить вамъ. Умножьте стада наши!» и т. д. Абхазъ глубоко вѣритъ, что отъ этихъ приношенiй души усопшихъ насыщаются.

Asàbшaцѣ. A-sàbшa суббота, а-цѣ (бз. а-цѣ) доля, вмѣстѣ — доля субботы. Во вторую или въ третью субботу послѣ смерти устраиваютъ asàbшaцѣ: закалываютъ барашка или овцу, а богатые и быка, готовятъ всевозможныя сладкiя кушанiя, приглашаютъ священника для освященiя пищи и угощаютъ гостей. Съ этого дня разрѣшается родственникамъ принимать скоромную пищу.

Абака. Абхазы для того, чтобы отмѣтить имя покойника, устраиваютъ крытыя постройки въ видѣ бесѣдокъ или ротондъ, при чемъ къ нимъ придѣлываются и тахты для путешественниковъ. Спереди этихъ ротондъ устанавливаются столбы съ крючками для привязыванiя лошадей. Эти постройки называются абака (a-bakà, აბაკა). Въ нихъ путникъ находитъ въ зной прохладу, въ дурную погоду — кровъ. Онѣ строятся при большихъ дорогахъ между селами и называются племемъ покойниковъ, въ честь которыхъ устроены. Во многихъ мѣстахъ построекъ этихъ ужъ давно нѣтъ, а названiя все-таки остались за ними.

Нужно отмѣтить, что въ этихъ, вновь выстроенныхъ абакахъ и гробницахъ путешественникъ находитъ кушавья, напитки и фрукты¹⁾. Они ихъ ѣдятъ, но посуду никто не трогаетъ. Про эти абака и гробницы въ моихъ тетрадяхъ имѣется слѣдующая записка:

«Страшная погода загнала путешественника въ одну изъ гробницъ, гдѣ онъ и заснулъ. Вдругъ онъ просыпается и слышитъ странный подземный разговоръ. Одинъ женскій голосъ говоритъ: «Сосѣдка, ко мнѣ пріѣхалъ голодный гость; дай немного муки, и я приготовлю ему ужинъ. Нигдѣ не могла раздобыть себѣ муки». Второй женскій голосъ будто бы отказалъ ей въ муку за неимѣніемъ. Первый же голосъ страшно сожалѣлъ, что не можетъ угостить путника. Чтобы успокоить подземное существо, путникъ покинулъ гробницу». Послѣ такого откровенія абхазы стали будто бы уменьшать свои попеченія о такого рода постройкахъ.

*Afaga скамейка, мѣсто сидѣнія*²⁾. При большихъ дорогахъ въ тѣни деревьевъ въ память своихъ покойниковъ абхазами устраиваются скамейки, извѣстныя подъ названіемъ *afaga* (атвара). Имъ присваиваются имена тѣхъ покойниковъ, въ честь коихъ и сдѣланы.

Колодцы. Также вырываются въ безводныхъ мѣстахъ и колодцы имени покойниковъ.

Aqsqarà: aqsè — душа, a-qè — доля означаетъ «отдать душѣ ея долю». Такъ называются главныя поминки у абхазовъ. Поминки эти обыкновенно приурочиваются къ годовщинѣ смерти, но часто оттягиваются и на два, три года. Но одно явленіе въ абхазской жизни не обставляется такою торжественностью, какъ эти поминки: всю свою энергію, все умѣніе, всю свою душу вкладываетъ абхазъ въ эти поминки. Вѣсть о хорошихъ поминкахъ съ молниеносною быстротою переходитъ изъ устъ въ уста. Объ этихъ поминкахъ прекрасныя абхазки напѣваютъ на своихъ сладкозвучныхъ чонгурахъ, а абхазы — на айхарца. Никакая укоризна не обидна такъ, какъ укору, брошенный абхазу: „ты для своего покойника не могъ отлить ни одного «акоей»³⁾ воды“, т. е. не могъ справиться поминку! Вотъ почему абхазъ прилагаетъ всѣ силы, чтобы справиться поминки. Къ нему на помощь въ этомъ случаѣ идетъ и общественная солидарность: всякій родственникъ

1) Небезынтересно привести слѣдующія строки изъ М. Хоренскаго (стр. 135): ...«Ти-гранъ послѣдній (арм. царь), желая почтить могилу брата своего, главнаго жреца Мажана..., воздвигнулъ надъ могилою жертвенникъ съ тѣмъ, чтобы проходящіе могли пользоваться отъ жертвоприношеній, а странники получать ночлеги».

2) *Afaga*, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, — «сидѣть», «сидѣться».

3) *Akoi* (а-кореу, г. *akoi*) — «ковшъ изъ горькой тыквы».

и свойственникъ обязанъ оказать помощь, которая подраздѣляется на двѣ категоріи.

Aṣṣāḡaḡə. Помощь убойнымъ скотомъ — овцами и баранами, ко-
ровами и быками — называется aṣṣāḡaḡə то, что дается душь, другого
рода помощь — деньги, лошади, ситець и т. д. — известна подъ названіемъ
aḡāḡə. По степени близости родства и опредѣляется помощь. Не-род-
ственники не обязаны оказывать помощь, хотя должны посѣтить поминки.
О двѣ поминокъ оповѣщаются за нѣсколько недѣль родственники, знакомые
и односельчане. Если на поминкахъ предполагается устроить и скачки, то
объ этомъ оповѣщаются за 1½—2 мѣсяца раньше, чтобы дать возмож-
ность приготовить скакуновъ. Всѣ приготовленія и работы при поминкахъ
исполняются сосѣдями совершенно безвозмездно: они собираются п работы
распредѣляютъ между собою, а старики руководятъ ими. Поминки эти оди-
наково устраиваются какъ христианами, такъ и мусульманами.

Наканунѣ все платье покойника достается и кладется на тахту въ
такомъ порядкѣ, какъ оно надѣвается на человѣка, или «развертывается
аншанъ», какъ говоритъ абхазъ. Я выше забылъ отмѣтить, что, если
имѣется платье умершаго воспитанника или недавно умершаго родственника,
или ихъ карточки, то наряду съ новымъ аншанъ кладутся и ихъ аншаны,
и близкіе родственники ихъ тоже оплакиваютъ. Оружіе развѣшивается
около аншанъ на стѣнѣ. Сосѣди и близкіе родственники собираются въ этотъ
день и въ обычномъ, выше описанномъ, порядкѣ оплакиваютъ аншаны.
Конь (или кони) выводится только въ самый день «айсхура». Всѣ тѣ, ко-
торые должны привести какое-либо животное, приводятъ его въ этотъ день,
особенно подъ вечеръ, когда народу собралось много. Приводъ этихъ жи-
вотныхъ замѣчательнъ въ жизни абхаза. Вотъ родственникъ со своими про-
вожатыми приближается къ воротамъ и черезъ нарочнаго справляется,
можетъ ли онъ войти. Получивъ утвердительный отвѣтъ, они вводятъ быка
(или лошадь). Благородное животное съ ногъ до рогъ украшено. Рога его —
съ серебряной или иной блестящей обивкой; тѣло часто покрыто са-
ваномъ съ разноцвѣтными украшениями. Черезъ спину перекинуть ā-ḡāpaḡə
(ā-ḡā каштанъ, па- (< па-рə) рука и а-ḡāга нализывать, вить что-либо):
на длинномъ шнурѣ нанизаны вперемежку каштанъ, груши, яблоки, а въ
последнее время и крендели. За быкомъ спереди и сзади съ зажженными
свѣчами идутъ провожатые. Его водятъ по двору трижды, «оборачиваютъ
около себя» (заставляютъ сдѣлать 3 круга), причемъ три раза поютъ ис-
ключительно въ этихъ случаяхъ употребляющуюся «пѣсню» ḡāwa («ḡəḡə»).
Эта процессія въ высшей степени картинна и интересна. Въ такомъ по-

рядкѣ вводятъ всѣхъ животныхъ. Послѣ этой процессіи происходитъ оплакиваніе. Отмѣчу, что половина мяса и кожа животного, по обычаю, принадлежатъ тому, кто приводитъ.

Всѣ гости угощаются ужиномъ, послѣ чего они расходятся. Остаются только тѣ, кто хочетъ продежурить ночь у аншанъ, кто хочетъ принять участіе въ ачѣйшара ($\text{a-t}\check{\text{a}}\text{r}\check{\text{s}}\text{a}\text{g}\check{\text{a}}$ a-tàrшага [по-бз.: à-tàrшага]), особенно молодежь обоого пола. Эта ночь — ночь веселья, смѣха и каламбуровъ. Абхазъ весьма чутокъ къ насмѣшкамъ и никогда никому не даетъ спуску; но въ данномъ случаѣ не принято обижаться. Этимъ обстоятельствомъ пользуются остряки, изъ устъ коихъ, какъ изъ роговъ изобилія, такъ и сыплются горькія истины, при другіхъ обстоятельствахъ недозволенные. Присутствующіе дѣлятся на двѣ группы (хора) и поютъ амѣгда (амерта — $\text{a-m}\check{\text{e}}\text{g}\check{\text{d}}\text{a}$), которая и поется исключительно на этихъ канунахъ. Запѣвало какой либо стороны начинается такъ: «Wa, mѣгда — $\text{m}\check{\text{e}}\text{g}\check{\text{d}}\text{a}$ sɛzɛdɛɾam, aqà» и дальше прибавляетъ свой экспромптъ, характеризующій (дурно или хорошо) кого-либо изъ членовъ противной стороны. Запѣвало другой стороны отвѣчаетъ тѣмъ же. Слова «мерта — черта» мнѣ непонятны, если они не имѣютъ отношенія къ грузинской фразѣ $\text{m}\check{\text{e}}\text{g}\check{\text{d}}\text{a}$ $\text{v}\check{\text{r}}\check{\text{e}}$ (ǵmeǵo $\text{v}\check{\text{r}}\check{\text{e}}$ *Боже мой*). «Сызыдырамъ, аха» «значитъ не знаю (я), но». «Амерта» смѣняютъ легенды, сказки и загадки, и такъ проводится время до утренней зарп. «Амерта» поется только при поминкахъ стариковъ и старухъ, отжившихъ свой вѣкъ.

Рано утромъ сосѣди и родственники начинаютъ стекаться, и каждый принимается за свою работу. Позднѣе прибываютъ и остальные. Оплакиваютъ только родственники и друзья; для остальныхъ теперь необязательно оплакиваніе. Часто «аншанъ» выносятся на дворъ подъ особый навѣсъ. Здѣсь же и конь (или кони) покойнаго. Народъ садится подъ особые навѣсы — а-цѣра (м. $\text{t}\check{\text{c}}\check{\text{e}}\text{r}\check{\text{a}}$ шера, гур. $\text{se}\check{\text{r}}\check{\text{a}}$ || $\text{se}\check{\text{r}}\check{\text{e}}$). Масса дѣтей. Нужно подчеркнуть, что всякій имѣетъ право посѣтить эти поминки. Сосѣди варятъ мамальгу и мясо. Когда рѣжется (закалывается) жертвенное животное, говорятъ: «На томъ свѣтѣ да пошлетъ его Богъ въ твою пользу!», т. е. пусть Богъ удостоитъ тебя пользоваться имъ на томъ свѣтѣ. Каждый готовитъ своихъ жертвенныхъ животныхъ. Сосѣдки-абхазки все свое умѣніе въ кулинарномъ искусствѣ проявляютъ на этихъ поминкахъ. Ни одно пиршество въ Абхазіи не можетъ сравняться въ обилии и разнообразіи блюдъ съ айсхура. Есть блюда и пряности, которыя готовятся исключительно для этихъ поминокъ, въ частности а- $\text{t}\check{\text{c}}\check{\text{e}}\text{r}\check{\text{a}}\text{g}\check{\text{e}}\text{d}$ — «печеніе изъ меда» (букв. «замороженный медъ»). Кромѣ мяса и гоми готовятся: молочная каша изъ риса — асатлачъ (a-satlàč), хлебка изъ фасоли и мяса, блюда изъ макаронъ и вермишели, разныя пе-

ченія и т. д. Все нужное количество молока, сыру и кислаго молока для поминокъ доставляется даромъ населеніемъ.

Акянъ¹⁾ (а-қан).

Во дворѣ на самомъ видномъ мѣстѣ стоитъ акянъ (или акялантаръ). Эта высокая свѣча сажени въ 3—4. Дѣлають ее такимъ образомъ: берется длинный шестъ въ діаметрѣ въ 2—3 вершка; мѣстами выдалбливается, и углубленія заполняются то порокомъ, то сѣрою, то инымъ взрывчатымъ веществомъ; снаружи шестъ этотъ обтягивается полосатымъ, сильно навощеннымъ полотномъ; ставится на ножкахъ. Сверху горизонтально навѣшивается деревянный крестъ, въ центрѣ коего на стержнѣ красуется фигура птицы, которая, вѣроятно, символизируетъ стремленіе человѣка къ небесамъ. Къ концамъ креста прикрѣплены роскошные кисеты (а-қаса, г. qasa , qisa) и платки. Акянъ имѣетъ и свѣчи въ видѣ вѣтокъ. Подъ конецъ айсхура искусными стрѣлками сбиваются птица и другія вещи, кои служатъ добычею тѣхъ, кто ихъ подобралъ. Послѣ этого акянъ зажигается, и онъ горитъ и по временамъ даетъ взрывы.

По объясненію Комиссіи, встарину акяны употреблялись только при поминкахъ знатныхъ особъ — дворянъ и князей.

Ащатака. При поминкахъ же употребляется длинная (саженей въ 10) свѣча — ащатака (ащатака): она сложена на подобіе двухъ усѣченныхъ концами соединенныхъ конусовъ.

Скачки. На «большихъ» поминкахъ устраиваются и скачки, которыя собирають абхазовъ со всей ихъ прекрасной родины. Скачки — это любимѣйшій спортъ абхазовъ; они готовы на дѣлыя недѣли прервать свои работы, только бы посмотрѣть на нихъ. Состоятельные родные покойниковъ стараются непременно устроить скачки. Зачастую призы довольно большіе; но владѣльцевъ скакуновъ манятъ не призы, а слава. Вѣсть о побѣдѣ того или иного скакуна моментально обходитъ всю Абхазію: со всѣхъ сторонъ сыплются похвалы и привѣтствія. Вообще абхазъ любитъ своего вѣрнаго друга — коня, и для него ничего ему не жаль. Каждого скакуна провожаетъ масса лицъ съ пѣніемъ исключительно при тѣхъ случаяхъ употребляющагося «азаръ» (а-згар, г. zar-i). Маленькій жокей частыми выкрикиваніями поощряетъ своего скакуна. Скачуть въ кругѣ или съ большого разстоянія.

1) Также акялантаръ (а-қалантар, г. keleptar-i).

Аѣѣгѣѣмагга («игра лошадей» — джигитовка). Джигитовка или, какъ они называютъ, «игра лошадей» въ большомъ почетѣ на поминкахъ. Джигитуютъ группами. Предъ отпращиваніемъ на скачки, приносится жертва божеству лошадей — аѣѣцацана. При чемъ просятъ: «при раздачѣ сегоднѣшняго выморочнаго имущества не оставь и насъ безъ доли» и т.

Аѣагѣѣу. Для поминокъ готовятся разныя красивыя вещицы: кисеты, платки, полотенца, шелковые очуры и т. п. Молодой наѣздникъ подъѣзжаетъ къ назначенному лицу и получаетъ одну какую нибудь вещицу. Онъ въ сопровожденіи другихъ наѣздниковъ отъѣзжаетъ отъ толпы и пускается во всю прыть; тѣ за ними вскачъ; онъ старается не дать себя поймать: не поймали, эта вещь у него остается, а то принадлежитъ тому, кто его поймалъ. Послѣ этого «аѣтарчѣй» беретъ уже другой; такъ до самаго вечера. Къ концу поминокъ выдается самый главный призъ — «аѣтарчѣй», которымъ и заканчивается игра.

Бѣга взапуски. Устраиваются и бѣга взапуски молодыхъ людей съ назначеніемъ призовъ.

Стрѣльба въ цѣль. Особенно въ большомъ почетѣ была стрѣльба въ цѣль, но въ послѣднее время она, всилу запрещенія мѣстной власти, переходитъ въ область преданій. Конечно, и стрѣлкамъ назначались призы.

Метаніе камней и соревнованіе въ прыганіи въ былое старое время были тоже въ большомъ почетѣ.

Аушпаглага. Когда всѣ приготовленія закончились, происходитъ «установка стола» передъ «аншанъ». Столъ освящается священникомъ, или муллою, послѣ чего подходятъ пожилые люди и кладутъ по кусочку ладана на жарь, причемъ говорятъ: «На томъ свѣтѣ да пошлетъ Богъ его въ твою пользу. Послѣ этого подается обѣдъ сначала мужчинамъ, а потомъ и женщинамъ. Пьянствовать на поминкахъ позорно.

Не будетъ преувеличено, если отмѣчу, что въ жизни абхазовъ въ смыслѣ воспитательномъ эти поминки играютъ такую же роль, какъ олимпійскія игры въ жизни греческаго народа. Здѣсь, на этихъ поминкахъ, да на свадебныхъ процессіяхъ получаетъ молодое поколѣніе все свое воспитаніе. Здѣсь же завязываются новыя знакомства и связи.

Одухотворенные предки. Аѣнѣкѣу <аѣнѣкѣу *онъ (дома) находящійся*¹⁾. По мнѣнію Комиссія аѣнѣ-ѣкѣу—это души нашихъ предковъ. Эти души—наши покровительницы и защитницы, если чѣмъ нибудь мы ихъ не

1) По моему *аѣнѣ-ѣкѣу* и *аѣнѣ-ѣкѣу* (галепши(ши) јиши отѣа) мингрельцевъ не что иное, какъ эти «а-двн-икоу»: при жертвоприношеніяхъ Орѣтъ тоже приглашаются души предковъ, но объ этомъ особо.

разгнѣвали. Въ такихъ случаяхъ мы должны расположить ихъ къ себѣ, умилостивить покупительными жертвоприношеніями. Этимъ «внѣ дома находящимся» приносится жертва при родахъ; вмѣ же молятся, между прочимъ, при «введеніи» невѣсты въ большой домъ. Кромѣ всего этого, а-дѣпѣковъ приваллежитъ первое молоко послѣ Айтарь-Мкамгарія: послѣ отеленья коровъ и буйволицъ молока ихъ нельзя употреблять въ пищу, пока въ одинъ изъ понедѣльниковъ не принесутъ жертвы Айтарь для коровъ и Мкамгарія для буйволицъ, въ слѣдующую же субботу приносится жертва и «адвн-коу»: готовить а̀улард (м. ^{ᠠᠶᠢᠷᠠᠳ} elard-1) > а̀улад, и а̀-ᠳатаᠷа (м. ^{ᠳᠠᠲᠠᠷᠠ} ᠳᠠᠲᠠᠷᠠ) — это мамалыга, сваренная вмѣстѣ съ творогомъ, — каждая особымъ образомъ готовится; ставится у дверей столъ, какъ обыкновенно при а̀ушаᠷᠠᠯᠠᠭа, на который подаются «айларджъ», «ачамакѡа», аᠷᠠᠭᠲᠦ (кислое молоко) и зажигаются свѣчи (для коровъ — двѣ, а для буйволовъ столько паръ свѣчей, сколько буйволицъ дойныхъ), при чемъ старшій въ семьѣ молится: «Вы, внѣ дома находящіяся, и старые и новые (аᠷᠠᠳᠠᠷᠠ аᠳᠠᠳᠠᠷᠠ)! принося смиренно отцами нашими установленную жертву, просимъ васъ быть хранителями и защитниками нашими и нашихъ стадъ; умножьте наши стада, не дайте намъ никакого вреда, кромѣ полнялой (старой) шерсти и стараго навоза и т. д.». Послѣ этихъ жертвоприношеній молоко и его продукты уже годны для употребленія живыхъ: божествамъ и мертвымъ даны ихъ доли!

Въ заключеніе нахожу нужнымъ привести здѣсь слѣдующее мѣсто изъ сказаній о Нартахъ.

Разъ одинъ абхазъ случайно попалъ на тотъ свѣтъ къ Нартамъ. Послѣдніе очень обрадовались его появленію и осыпали случайнаго гостя вопросами о семь мѣрѣ. Настала обѣденная часть. Вмигъ накрылись столы всѣхъ Нартовъ и другихъ обитателей подземнаго міра и появились роскошныя блюда. Лишь одинъ столъ Сесрыквы Нарта остался не накрытымъ. Сосѣди и братья надѣлились Сесрыкву кушаніями. На вопросъ абхаза, почему Сесрыкву обошли, послѣдній отвѣтилъ: «Я скончался послѣ всѣхъ своихъ братьевъ, не оставивъ себѣ наслѣдниковъ; не оказалось у меня и такихъ друзей, которые справили бы по мнѣ «айсхура», и я остался безъ поминокъ! Вотъ почему мой столъ на этомъ свѣтѣ пустъ: вѣдь здѣсь подается намъ, душамъ, ежедневно все то, что подано нашимъ душамъ на томъ свѣтѣ нашими родственниками, особенно въ день «айсхура». Поэтому я здѣсь осужденъ на жалкое существованіе, на подачки сосѣдей до тѣхъ поръ, пока кто-либо не вспомнитъ обо мнѣ и не устроитъ по мнѣ тризны».

Случайный гость абхазъ сжалился надъ славнымъ Нартомъ, слава коего до сихъ поръ гремитъ по всей Абхазіи, заручился его согласіемъ и, по возвращеніи домой, устроилъ роскошныя поминки по немъ. За это Нартъ Сесрыква наградила его своими чудными собаками и «а-рашомъ», сказочнымъ конемъ (а-гацъ, ср. г. *ᄁᄁᄁ* гащ-1).

III. Свадебные обычаи¹⁾.

По адату абхазская молодежь не имѣетъ права говорить предъ старшими родѣ и въ общинѣ, предъ отцомъ и матерью, старшими сестрами и братьями о своемъ желаніи вступить въ брачный союзъ: такое свое желаніе молодежь передаетъ старшимъ черезъ посредниковъ, что младшихъ самихъ по возрасту. Вообще, личность абхазской молодежи сильно скована вѣками освященными обычаями: она въ присутствіи старшихъ не имѣетъ права даже шутить вообще о супружескихъ отношеніяхъ, курить табакъ, переходить съ виномъ «аллаверды» къ старшимъ, раньше нихъ привѣтствовать, здороваться или отвѣчать и т. д. Адатомъ выработана цѣлая кодексъ этихъ взаимоотношеній, свято соблюдаемыхъ до сихъ поръ.

Какъ только молодой человѣкъ подростъ, родители прилагаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы дать возможность ему поближе ознакомиться если не со всею Абхазіею, то по крайней мѣрѣ съ тою частью ея, въ которой онъ живетъ: никакая сѣбшная работа не остановитъ родителей отъ посылки сыновей на «большія» поминки и свадьбы. «Пусть знакомится съ людьми, а работать и потомъ успѣетъ», говорятъ родители. Свадьбы же и особенно поминки являются центромъ абхазской общественной жизни, при чемъ посѣщеніе ихъ безъ приглашенія освящено обычаемъ: напротивъ, неприглашенные гости пользуются особымъ вниманіемъ. «Мы всѣ свои, а вотъ они—истинные гости», говорятъ абхазы. Въ Абхазіи существовалъ обычай отдавать молодыхъ людей на нѣкоторое время виднымъ, съ большими связями лицамъ—дворянамъ и князьямъ, которымъ они прислуживали, сопровождая ихъ во всѣхъ путешествіяхъ: «Пускай побываетъ вездѣ и учится у людей», говорили родители. Обычай этотъ въ настоящее время «меркнетъ и гаснетъ». Хотя и теперь молодой абхазъ въ своихъ «странствованіяхъ» долженъ находиться какъ бы въ «світѣ» одного изъ старшихъ, долженъ кого нибудь сопровождать. Упрекъ, что такой-то «не знаетъ дорогъ дальше своего села», равносильнъ въ глазахъ абхаза «ничего-незнанію». Вотъ на этихъ помин-

1) См. Моамбэ, 1897, V.
Христіанскій Роговъ.

кахъ и свадьбахъ получаетъ абхазская молодежь все свое воспитаніе и обученіе. Вотъ въ этихъ странствованіяхъ, на этихъ свадьбахъ и поминкахъ завязываются новыя знакомства, новыя связи, а часто и любовь. Влюбились другъ въ друга молодые люди, дали слово не измѣнить другъ другу, и слово закрѣпили обмѣномъ вещицъ: платковъ, колець и т. д. Послѣ этого никакая сила не можетъ расторгнуть ихъ: часто случается и такъ, что, поближе познакомившись, одна изъ сторонъ и разлюбитъ, но адать не разрѣшаетъ отказать отъ даннаго слова; можетъ и такъ случиться, что они оба успѣли разлюбить другъ друга, но все-таки всилу обычая не могутъ отказать отъ даннаго слова; въ противномъ случаѣ, одна изъ сторонъ заслужить кличку «оставленнаго», «отвергнутаго», а это—страшный позоръ не только для даннаго лица, но для цѣлаго рода, къ которому оно принадлежитъ. Въ такихъ случаяхъ дѣло выносятся на общественный судъ. Обѣ стороны (оба рода) приглашаютъ побольше своихъ сторонниковъ. Если судъ старѣйшинъ изъ сторонниковъ обоихъ родовъ удостовѣрится, что дѣйствительно дано слово, и имѣются вещественныя доказательства (подарки), то, не считаясь съ симпатіями и антипатіями отказавшагося отъ своего слова лица, постановляетъ: «исполнить свое слово». Тогда родъ, къ которому принадлежитъ виновная сторона, или долженъ заставить исполнить «данное слово», или же уплатить за «кровь отвергнутаго лица». Но этотъ послѣдній исходъ «не приличенъ», «не лестенъ» для обиженнаго рода, и потому выступаетъ на сцену сила оружія: между заинтересованными родами появляется кровавая месть, и они не шадятъ другъ друга. Отвергнутый женихъ на какомъ нибудь большомъ собраніи объявляетъ: «Такая то особа въ силу даннаго ею мнѣ слова принадлежитъ мнѣ, почему прошу всѣхъ моихъ сверстниковъ, уважающихъ себя и права жениховъ, не отбивать ее у меня! А кто же осмѣлится отбить ее, то для него моя пуля наготовѣ!» Это угроза вполне внушительна: никто не осмѣливается вторгаться въ «чужія права». На одной угрозѣ не останавливается обиженный родъ: онъ принимаетъ энергичныя мѣры къ похищенію невѣсты, или, если этого не удастся сдѣлать, заставляетъ жениха «обезчестить ее». Это «обезчещеніе» состоитъ въ слѣдующемъ: женихъ съ товарищами нападаетъ на невѣсту, рветъ ея одежду и сорванными съ головы ея платкомъ возвращается домой. Этотъ актъ извѣстенъ подъ названіемъ «заставить кричать». Это высшій позоръ, какой только можно нанести абхазкѣ: послѣ этого не испытать ей супружескаго счастья, если только не выйдетъ опять за него же замужь. Конечно, и родъ невѣсты не остается въ долгу: должна пролиться кровь «противнаго» рода. Такъ могутъ существовать силы родового строя въ Абхазіи!

Если же судъ этотъ не усмотритъ явныхъ доказательствъ виновности даннаго лица, то для успокоенія обиженной стороны заставляетъ обидчиковъ принять присягу слѣдующаго содержанія: «Клянусь всемогущимъ св. Георгіемъ Илорскимъ (или, въ сѣверной Абхазіи, — Дыдрыпшемъ), что, находясь въ твоёмъ положеніи, я не счелъ бы за обиду (а-қәмдәг) то, что ты спи-таешь». Такая присяга вполнѣ успокаиваетъ и возстановливаетъ честь оскорбленнаго рода. Только при этомъ дается много соприсягателей.

Можетъ случиться и такъ, что претендентами на сердце данной особы являются два и больше лицъ. Въ такомъ случаѣ всѣ они должны отказаться отъ нея, «освободить ее», какъ выражаются абхазы, а то ихъ претензіи должна разрѣшить пуля.

Не ошибусь, если отмѣчу, что большинство кровавыхъ распрей, столь частыхъ въ Абхазіи, имѣетъ своимъ источникомъ вотъ такія аномальныя отношенія между дѣвцами и юношами, или, по выраженію абхазовъ, «женскій вопросъ» (а-фъәс ләтәқә), въ буквальномъ переводѣ—«хвостъ женщины». Не одна прекрасная абхазка ждала и ждетъ цѣлые годы разрѣшенія своего «проклятаго вопроса!» Часто причиною разрыва между молодыми людьми является неравенство въ сословномъ положеніи: могутъ они любить, обожать другъ друга, но если они не равны по сословію, то родъ, считающій себя выше въ сословномъ отношеніи другого рода, ни за какія блага не допуститъ оскорбить память отцовъ своихъ, раврѣшивъ бракъ «своего сына» или «своей дочери» съ представителемъ низшаго сословія. Здѣсь уже на лицо фактъ насильственнаго разрыва двухъ любящихъ сердець въ угоду, казалось бы, давно отжившимъ сословнымъ предразсудкамъ. Къ слову отмѣчу, что, несмотря на то, что уже свыше сорока лѣтъ пришло съ тѣхъ поръ, какъ крѣпостная зависимость упразднена, до сихъ поръ сословія въ Абхазіи живутъ своею обособленною жизнью: брачные союзы между сословіями не разрѣшаются! Русское правительство признало только три сословія: 1) дворянство (дворяне и князья), 2) духовенство и 3) крестьянство, въ которое вошли: а) ашнакма (а-шпакма, г. ʒəbʒəʒə шпакма, б) «чистые крестьяне» — а-пқауәдқа и в) бывшіе рабы — а-фә (ихъ нѣсколько категорій). Ни «чистые крестьяне», ни «ашнакма» не довольны своимъ нынѣшнимъ положеніемъ: «ашнакма» тяготѣютъ къ дворянамъ, а «чистые крестьяне» не могутъ мириться съ мыслью, что они попали въ одну категорію съ ихъ бывшими рабами (чистые крестьяне тоже владѣли рабами).

Выше я употребилъ фразы — «свой сынъ», «своя дочь», которыя требуютъ поясненія. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ абхазы говорятъ: «Наша жена», «наши жены» относительно женъ своихъ однофамильцевъ, «наши дѣти»

относительно дѣтей однофамильцевъ, «наши зятья», «наши племянники» (ḥāḥšarāḥā — «сыновья нашихъ сестеръ») относительно сыновей рода по женской линіи и т. д. При этомъ строго воспрещаются брачные союзы между однофамильцами, а также членами рода и его поколѣніемъ по женской линіи. Въ данномъ случаѣ, по моему, мы имѣемъ на лицо съ одной стороны пережитки группового брака, а съ другой — матриархата.

Въ настоящее время большинство брачныхъ союзовъ въ Абхазіи заключается путемъ похищенія невѣсты, или, какъ они называются, браки заключаются тайно — *à-māda* (šdsds). Нынѣ причины этого явленія слѣдующія: 1) боязнь, что одна изъ сторонъ родителей, не дастъ своего благословенія на заключеніе даннаго союза; если женихъ и его родители увѣрены, что родители невѣсты не согласятся, то происходитъ похищеніе: съ совершившимся фактомъ легче мирятся гордые абхазы; съ другой же стороны, если женихъ увѣренъ, что его родители не согласятся на данный брачный союзъ, то онъ въ одну прекрасную ночь съ невѣстою въ сопровожденіи многочисленныхъ «макар»овъ (*a-makaraga*, г. *šyššo makar-1* и *šyššošo makton-1*) — побѣждая является къ роднымъ, которымъ волею-неволею приходится мириться со случившимся фактомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда женихъ убѣжденъ, что дѣло съ той или другой стороны можетъ принять весьма серьезный оборотъ, то со своею невѣстою онъ является къ какому-нибудь вліятельному лицу (часто дворянину или князю) въ гости; за большой позоръ считается, если это лицо не сможетъ миромъ закончить дѣло. При мирномъ исходѣ это лицо устраиваетъ какъ бы напутственное пиршество, чтобы «показать своихъ гостей людямъ», какъ выражаются абхазы, и съ подарками отпускаетъ домой новобрачныхъ. Вторая причина — это бѣдность, неподготовленность той или другой стороны: абхазская свадьба, какъ увидимъ ниже, сопряжена съ большими расходами, а потому съ обоюднаго согласія для временнаго отсроченія этихъ расходовъ происходитъ «похищеніе дѣвицы» для отвода глазъ.

Если брачный союзъ заключается «*аргата*» (*à-rgata ясно, гласно*), то соблюдается слѣдующій порядокъ: отецъ жениха, въ сопровожденіи чело-вѣкъ 10—15 (чѣмъ больше, тѣмъ похвальнѣе), приѣзжаетъ въ заранѣе условленный день въ домъ невѣсты съ подарками. При этомъ если домъ невѣсты имѣетъ своего воспитанника (*à-qḥa*, бз. *à-qḥa*), то гости обязательно должны прибѣгнуть къ его помощи и явиться въ сопровожденіи его. Здѣсь устраивается пиръ, на который для развлечения гостей приглашаются почетныя лица села и близкіе родственники. Во время пира происходитъ и передача подарковъ, присланныхъ женихомъ: размѣръ стоимости этихъ по-

дарковъ, конечно, зависить отъ состоянiя жениха. Въ особомъ почетѣ для этихъ подарковъ лошадь. Состоятельные крестьяне присылаютъ въ настоящее время одну хорошую лошадь и золотыя вещи: серьги, браслеты, кольца и т. п.; или эти же вещи и сто рублей деньгами. Невѣста тоже отсылаетъ какую либо вещьцу жениху. Актъ этотъ извѣстенъ подъ названiемъ аѣк̄аг̄п̄ега (а-ѣ̄ — «пуля», а-к̄аг̄п̄ега — «бросать», «бросанiе», «оставленiе пули»), а сами подарки жениха — аѣк̄аг̄п̄еѣса, т. е. «то, чѣмъ замѣняется бросанiе пули || равноцѣнно ему». Происхожденiе этого термина таково: въ добрыя старыя времена въ этомъ случаѣ женихъ посылалъ невѣстѣ одну пулю съ однимъ зарядомъ пороха. Эти подарки также называются аматарбага (а-мадарбага). Передача подарковъ происходитъ такъ: во время пиршества просятъ старшаго въ семьѣ (отца, старшаго брата и т. д.) сѣсть (до сихъ поръ онъ, какъ и всѣ члены семьи, стоялъ и ухаживалъ, угощалъ гостей), что онъ и исполняетъ. Нѣсколько человекъ со стороны жениха поднимаются изъ-за стола, выходятъ и становятся на колѣни; по приказанiю руководителя колѣнопреклоненно стоящихъ подается бокаль вина старшему въ семьѣ, и просятъ выпить вино. Отецъ невѣсты проситъ подняться на колѣняхъ стоящихъ, изъ коихъ обыкновенно поднимаются два, три старшихъ, и тогда онъ пьетъ вино. Послѣ этого, призвавъ благословенiе боговъ обоихъ вступающихъ въ родство родовъ на новый союзъ, руководитель колѣнопреклоненныхъ перечисляетъ подарки и преподноситъ, при чемъ подарки показываются всѣмъ. Въ отвѣтъ на это хозяинъ или сейчасъ награждаетъ гостей, или же при свадьбѣ, при чемъ ни одинъ гость не долженъ остаться безъ подарка: кто получаетъ 50 коп., кто — рубль, а кто и болѣе. Подарки, получаемые лицами, которыя сопровождаютъ представителя жениха (отца, брата и другихъ) называются аѣѣзша или а-ѣѣзша (г. ႠႡႣႤႥႧႨ ႠႡႣႤႥႧႨ saamqanago или ႠႡႣႤႥႧႨ samqlebelo).

При этомъ, какъ бы заочномъ, обрученiи нѣтъ ни жениха, ни невѣсты: они въ эти дни никому не показываются. Встарину въ этотъ день и невѣста и женихъ «запирались» въ своихъ «амхарà» (amhara — это въ большинствѣ случаевъ конусообразныя плетенки, устраивавшіяся специально для новобрачныхъ). Слово amhara значитъ «не слышать», но съ переносомъ ударенiя на послѣднiй слогъ означаетъ вышеописанную постройку. Въ двадцать первый день происходилъ «выводъ» изъ «амхарà» и невѣсты и жениха. По выбору самой невѣсты или ея родителей одинъ изъ молодыхъ людей устраивалъ веселье и «выводилъ» вновь обрученную изъ «амхарà»; этотъ обрядъ называется амhараѣга — «выводъ изъ амхарà». Онъ же долженъ сопровождать невѣсту въ домъ жениха во время свадьбы. Между новою парою и

этимъ субъектомъ устанавливаются новыя родственныя связи, если ихъ не было до тѣхъ поръ. Женихъ долженъ возмѣстить всѣ расходы ему. Онъ, какъ сопровождающій невѣсту, называется аѳаѳаѳѳа — «мужчина-дружокъ» (г. აჭაჭაჭა). Въ 21-й же день происходилъ и выводъ жениха такимъ же путемъ, при чемъ устроившее пиршество лицо награждалось самимъ же женихомъ. Это же лицо и аѳаѳаѳѳа для жениха. Этотъ обычай, «выводъ» жениха и невѣсты, почти уходитъ въ область преданій¹⁾ въ южной Абхазіи.

Встарину существовалъ и такой обычай помолвки грудныхъ дѣтей: въ присутствіи родителей обоихъ дѣтей наносились на ручкахъ ихъ люлекъ, при чемъ отъ имени жениха въ изголовье невѣсты клалась пуля съ порохомъ. Такой обрядъ помолвки назывался агаѳаѳаѳа — «надрѣзываніе люлекъ» (агага — «люлька», а-ѳаѳага — «надрѣзывать»).

Послѣ «обрученія» (помолвки) женихъ долженъ до свадьбы (можно и послѣ свадьбы) пригласить въ свой домъ своего тестя (или шурина) и наградить его подарками. Способъ преподношенія подарковъ такой же, какъ описанъ выше. Это приглашеніе называется «авнадарà» (აუნადარა). — Тесть является съ 3—4 провожатыми, которые въ свою очередь получаютъ аѳѳѳа — подарки. И теперь женихъ не имѣетъ права показываться своему тестю! Если даже женихъ гдѣ-нибудь встрѣтится съ тестемъ, тещею или со старшими въ родѣ невѣсты, онъ долженъ скрыться отъ нихъ, спрятаться: показаться на глаза имъ значитъ непочтительно относиться къ нимъ. Тоже самое и невѣста.

Послѣ помолвки же младшіе братъ и сестра жениха отправляются къ невѣстѣ съ подарками: платьемъ, обувью, зеркалами и т. п. При этомъ они же должны возмѣстить расходы на ужинъ-пиршество, устроенное для нихъ хозяиномъ дома: обыкновенно приводится ими бычокъ (или козель) и приносится потребное количество вина. Гости посѣщаютъ свою невѣсту въ ея «амхарà» (г. სამხარა sa-sd1-o). Последняя съ подругами стоитъ у стѣны, съ покрытымъ покрываломъ лицомъ. Золовка (сестра жениха) подходитъ къ ней и цѣлуетъ. Гости садятся. Преподносятся подарки, послѣ чего съ лица невѣсты приподнимается покрывало, и она показывается золовкѣ, шурина и ихъ провожатымъ, причемъ гости свою радость усугубляютъ пальбою изъ револьверовъ. За все время присутствія гостей въ ея «амхарà» невѣста не имѣетъ права не только садиться, но даже улыбаться...! Гости эти, осо-

1) Молодой абхазъ изъ «Турецкой Абхазіи» Мстаа-бей Джопуа (Форна) передалъ мнѣ, что эти свадебные обряды до сихъ поръ въ полной силѣ у турецкихъ абхазовъ, живущихъ около Измида.

бенно женщины, въ свою очередь получаютъ подарки отъ неvěсты и ея родителей.

Жениху не разрѣшается посѣщеніе дома неvěсты, онъ можетъ видѣться съ нею гдѣ-нибудь у сосѣдей, и то тайкомъ. Онъ получаетъ это желанное право лишь послѣ того, какъ явится съ подарками къ тестю. Этотъ обрядъ извѣстенъ подъ названіемъ «махвырацара» (таѣгаѣага: а-таѣэ — «зять», а-ѣага—«итги»). Онъ исполняется до свадьбы, во время свадьбы или же послѣ свадьбы. Обыкновенно для сокращенія расходовъ онъ совпадаетъ со свадьбою. Средней руки женихъ-крестьянинъ доставляетъ: рублей сто наличными деньгами, 5—6 отборныхъ быковъ, 2—3 лошади и платье для тещи, или бабушки неvěсты, а также вино, водку, гоми и даже соль. А дворянамъ и князьямъ очень дорого обходится это «посѣщеніе зятя» родителей неvěсты. Такъ, напримѣръ, одно мнѣ знакомое лицо доставило: 500 рублей наличными, 16 быковъ, 16 отличныхъ лошадей, изъ коихъ четыре были осѣдланы прекрасными сѣдлами. Достойна упоминанія одна мелочь: почему-то вообще въ этихъ случаяхъ мужскія сѣдла безъ подушекъ! Вотъ при этомъ посѣщеніи и происходитъ личное награжденіе зятя. Обыкновенно каждая сторона старається честно обмѣняться: дать по стоимости не меньше того, сколько доставила первая сторона. «Съ какими подарками прїѣдетъ зять, съ такими и уѣдетъ», говорятъ абхазы. Конечно, не забываются и дружки зятя.

Встарину свиданіе жениха и неvěсты происходило такъ. Женихъ съ двумя, тремя друзьями являлся въ помѣщеніе неvěсты: послѣдняя съ подругами встрѣчала его. При этомъ женихъ трижды подводилъ неvěсту подъ свою бурку, послѣ чего подруги уводили ее. Или же вѣшалась посрединѣ помѣщенія бурка (или коверъ) и три раза оттягивалась она (бурка), чтобы дать возможность молодымъ посмотреть другъ на друга. Послѣ этого двери дома неvěсты открывались для зятя навсегда, но близкаго общенія между молодыми не бывало: при старшихъ они даже не могли встрѣчаться.

Расходы въ обоихъ мѣстахъ — и у тестя и у себя — несетъ женихъ. Вотъ почему онъ посылаетъ столько провизіи тестю. Сверхъ того, по обычаю, женихъ долженъ послать и людей для приготовленія кушаній. И этотъ обычай уже становится преданіемъ. Конечно, никакая абхазская семья не въ состояніи была бы выносить столько расходовъ, если бы въ Абхазіи не существовалъ прекрасный обычай взаимной поддержки. Въ такихъ случаяхъ, во-первыхъ, — самое широкое проявленіе трудовой даровой взаимной помощи на лицо: всѣ работы исполняются сосѣдами и родственниками даромъ, какъ-то, въ случаѣ надобности, постройка «амхарà», навѣса для гостей — ашаѣа (а-щàѣа), доставка дровъ, доставка и покупка провизіи и т. п. — все

это даромъ исполняется. Кромѣ сего широко оказывается помощь жениху родственниками и деньгами, и скотомъ, и лошадьми и т. п. Такая помощь называется *aḡəḡdaḡa*, что приблизительно означает *давать, доставлять помощь въ догонку*.

Насколько «аѣсхура» замѣчательна разнообразіемъ блюдъ, настолько бѣдна бывала свадьба—*aḡaḡa*—кушаніями. Въ настоящее время подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній на абхазскихъ свадьбахъ появились разныя блюда, но старину обыкновенно подавались: мамалыга, вареное мясо, вино и подъ конецъ жареное мясо (куръ и барановъ) — *āḡə*¹⁾, или иначе *aḡaḡə* (г. *ḡḡḡḡḡḡ m-tvad-1*).

За мѣсяць-полтора до свадьбы отецъ неvěсты объѣзжаетъ всѣхъ своихъ родственниковъ и друзей и приглашаетъ ихъ на свадьбу. При этомъ родственники спрашиваютъ его: «Какую же помощь тебѣ оказать? что тебѣ принести»? На кого надѣется, что свое слово исполнить, тому онъ и заказываетъ — кому лошадь, кому мѣдный котелъ и т. д., а остальнымъ говоритъ: «Удостойте насъ своимъ присутствіемъ, а о вещахъ не безпокойтесь!» Ко дню свадьбы собираются, съѣзжаются всѣ родственники и знакомые, при чемъ ими часто навозится масса вещей, иногда совсѣмъ ненужныхъ. Приданое выносится на дворъ до обѣда, и одинъ изъ стариковъ, хорошо владѣющій языкомъ, передавая вещи поштучно на показъ всѣмъ родственникамъ жениха, перечисляетъ приданое, а потомъ, снявъ головной уборъ, призываетъ благословеніе боговъ и духовъ, покровителей обоихъ родовъ. За этотъ трудъ онъ получаетъ съ обѣихъ сторонъ подарки. Подарки же получаютъ и тѣ лица, которыя выводятъ дареныхъ коней и другихъ животныхъ. Послѣ отправленія приданаго начинается пиршество, причемъ хозяева стараются перепоить всѣхъ поѣзжанъ, которыхъ всегда бываетъ очень много, а послѣдніе — хозяевъ: здѣсь подъ хозяевами подразумѣваются сосѣди, родственники и друзья тестя; послѣдній вмѣстѣ съ домохозяевами никогда не садится съ гостями: прислуживаетъ имъ. Вотъ примѣрное приданое дочери зажиточнаго крестьянина: отъ 6 до 12 паръ постели (тюфяковъ и одеялъ), столько же подушекъ, по-парно мѣдные котлы, рукомоѣйники мѣдные же, такіе же тазы, двѣ желѣзныя цѣпи для котловъ («арыхнышка» — г. *ḡḡḡḡḡḡ sa-kid-el-1*, м. *ḡḡḡḡ naḡa*), вертелъ (*aḡəḡə*), желѣзный крючекъ для того, чтобы вынимать изъ кипятка вареное мясо (*aḡəḡə*), арба съ буйволами, лошадь съ сѣдломъ для неvěсты и для жениха, если до сихъ поръ не былъ награжденъ, платья, сундукъ, чемоданы, шка-

1) *Āḡə* — еще означаетъ и блоху.

тулки, ковры и тому подобное. Лошадь съ сѣдломъ невѣсты даетъ воспитанникъ, если таковой имѣется у данной семьи, но за то онъ же получаетъ отъ жениха равноцѣнный, если не больше, подарокъ. Встарину существовалъ особый поборъ для помѣщика—одна корова съ каждой невѣсты: платилъ женихъ. Зато и самъ помѣщикъ обязанъ былъ дать невѣстѣ что-нибудь цѣнное. Поборъ этотъ въ пользу помѣщика назывался «ахшбыръ» (ақшбѣр).

Послѣ обѣда выѣздъ невѣсты и поѣзжанъ. У воротъ хозяйскаго дома мѣстная молодежь съ дубинами встрѣчала поѣзжанъ и чѣмъ дольше она задерживала свадебную процессію, тѣмъ похвальнѣе было для нея. Затѣмъ за поѣзжанами вскачь гонится молодежь, стараясь какъ можно дольше задержать ихъ: то срываетъ съ головы кого-либо изъ поѣзжанъ панаху или башлыкъ, и давай Богъ ноги назадъ, а тѣ за ними гонятся; то отнимаютъ бурки другъ у друга и т. д. Невѣста при выѣздѣ изъ родительскаго дома плачетъ; ей вторятъ мать и сестры. Она во всю дорогу находится подъ покрываломъ. Невѣсту, какъ и выше замѣтилъ я, сопровождаютъ одна подруга и два, три дружка. Свадебная процессія весело ѣдетъ и, при приближеніи къ дому жениха, посылаетъ гонцовъ, которые отъ родителей получаютъ подарки¹⁾. Когда процессія вошла во дворъ и слѣпилась, ее встрѣчаетъ старшій въ родѣ и проситъ благословенія боговъ на новобрачныхъ, послѣ чего невѣста вводится въ свою «амхарà»: здѣсь при входѣ надъ ея головою у дверей скрещиваются пашки, и подъ лязгъ ихъ невѣста переступаетъ порогъ новаго своего жилища, при этомъ раздается залпъ изъ огнестрѣльнаго оружія²⁾. Ей на колѣна сажаютъ мальчика въ «амхарà». Ее также осыпаютъ зернами гоми³⁾.

Конечно, женихъ и здѣсь, у себя, устраиваетъ пиръ на весь міръ: свадьбу можетъ посѣщать всякій, кто только пожелаетъ. Подарки для постороннихъ необязательны: только родственники и друзья обязаны оказать помощь. Абхазскія свадьбы вообще многолюдны, но сравнительно женцинъ

1) При свадебной процессіи поется свадебная пѣснь — *оги дада мо́ква* (можетъ отъ г. *оги дада мо́ква* — «двѣ подруги пріѣхали съ нею?»).

2) Нѣсколько членовъ Комиссіи отмѣтило, что при входѣ въ «амхарà» на палецъ невѣсты надѣвается серебряное кольцо въ залогъ того, что владычицѣ водъ своевременно принесутъ установленную жертву. Большинство же отмѣтило, что обрядъ надѣванія кольца таковъ: послѣ свадьбы невѣстку ведутъ въ бѣломъ платьѣ къ рѣкѣ, причемъ чистая женщина, надѣвая серебряное кольцо на палецъ невѣстки, говоритъ: «Дзидаланъ, владычица воды, твоимъ именемъ даемъ ей это кольцо!» Снимать съ пальца это кольцо нельзя: всю жизнь она должна носить.

3) При входѣ въ «амхарà» черезъ нее встарину перебрасывался начиненный сырромъ амганъ (*a-mgan* — «чурекъ»). Люди ловили его и ѣли.

мало: онѣ навѣщаютъ невестку на второй день свадьбы, и опять для нихъ особо нужно устроить угощеніе. Ни женихъ, ни невеста не показываются на свадьбѣ: она у себя въ «амхарà», гдѣ собирается молодежь и въ танцахъ и пѣніи проводитъ весело время; сама же все время стоитъ у стѣны своего новаго жилища съ закрытымъ лицомъ, молча. Танцы вообще въ Абхазіи заканчиваются въ знакъ радости пальбою. Женихъ же скрывается гдѣ-нибудь у сосѣдей, а въ самомъ лучшемъ случаѣ смотритъ изъ-за куста, какъ на его свадьбѣ веселятся люди. Подается ужинъ (или обѣдъ), при чемъ невеста, ея подруга и дружки, стоя на колѣняхъ, должны подать утиральникъ почетнымъ гостямъ. Пока примутся за ѣду, одинъ изъ стариковъ встаетъ, беретъ въ руки палочку съ нанизанными на ней сердцемъ и частью печени и стаканъ вина и произноситъ импровизованную молитву, въ коей приглашаетъ благословеніе боговъ и духовъ обоихъ родовъ, обливаешь виномъ печень и сердце, по кусочку самъ принимаетъ и даетъ другимъ. Теперь столъ благословленъ и пиршество начинается. Веселье сопровождается танцами и пѣніемъ, при чемъ нужно отмѣтить, что у абхазовъ танцуютъ только молодые люди: ни замужнія женщины, ни женатые мужчины не танцуютъ, развѣ только на свадьбѣ своихъ дѣтей. Пирующие должны встрѣтить непременно восходъ солнца¹⁾; теперь хороводный танецъ²⁾ съ пѣніемъ, а затѣмъ приношеніе подарковъ. Каждый, желающій поднести подарокъ, по очереди входитъ въ «амхарà», садится и проситъ показать невесту. Подруги съ блюдцемъ подходятъ къ нему, и онъ кладетъ на это блюдо свой подарокъ — деньги, вещицы, а если животное, то называетъ, какое именно. Послѣ поднимается покрывало и невеста показывается. Опять выстрѣлы. Въ такомъ же порядкѣ приносятся и другіе подарки. Подарки—отъ 20 коп. до десятковъ рублей и лошадей, коровъ и т. д. Эти подарки называются ақагшвѣ (ахаршвѣ).

Состоятельныя лица на свадьбахъ тоже устраиваютъ скачки и стрѣльбу въ цѣль; назначаются и призы.

Во время свадьбы невеста не имѣетъ права говорить съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ своей подруги. Вообще въ первыя 2—3 недѣли она обречена на полное молчаніе: имѣетъ право говорить только съ дѣтьми и съ младшими сестрами и братьями своего мужа. Въ первую ночь женихъ даже на глаза не показывается своей невестѣ.

1) Гости должны сбить съ дерева при разсвѣтѣ домашнюю птицу, которая и подается имъ въ видѣ адъ (а-д [или à-дѣ? см. выше, стр. 195]).

2) Аубагѣкѣгашвѣ, или иначе щагадѣнѣ (щагадѣнѣ устраиваютъ и всадники).

Часто случается и такъ, что кто-нибудь изъ родственниковъ принимаетъ на себя всѣ расходы по устройству свадьбы, за что женихъ расплачивается съ нимъ, одаривъ его въ тотъ же день подарками.

Мужчины — дружки невесты (г. მ-დადე-კაფ-ი m-dade-kaḡ-i) уѣзжаютъ домой на второй день; женихъ ихъ тоже долженъ наградить подарками—кого деньгами, кого вещами, кинжаломъ, серебрянымъ поясомъ и т. д. Какъ выше я отмѣтилъ, если изъ дружковъ имѣется кто-либо, который устроилъ невестѣ «амхаратгара» (ამხარატგარა — a-mḡaraḡgara), то онъ сообразно съ понесенными расходами щедро вознаграждается. Подруга же остается недѣли двѣ-три, потомъ съ большими подарками отъ жениха она уѣзжаетъ домой: обыкновенно ей дарятъ лошадь, лошадь съ сѣдломъ, нынѣ швейную машину, дорогое платье и т. д. Мѣсяца черезъ два она опять навѣщаетъ новобрачныхъ, причемъ приноситъ жениху полное готовое платье: черкеску, архалукъ, чусты, башлыкъ и даже рубашку и кальсоны. За то она вторично награждается женихомъ, при этомъ каждая изъ сторонъ старается, чтобы его подарки были лучше получаемыхъ имъ подарковъ.

) Для женщинъ устраивается вторая свадьба на другой день, когда онѣ являются видѣть «атаца» (а-ḡaḡa) со своими подарками; приносятъ обыкновенно деньги, тазы, шкатулки, разную посуду и т. д. Близкія же родственницы являются въ первый же день свадьбы и вмѣстѣ съ мужьями и со всею семьею подносятъ подарки.

Свадьба какъ бы продолжается недѣли двѣ, три: въ продолженіе этого времени окрестная молодежь почти ежедневно собирается въ «амхарà» невесты и въ пѣсняхъ и танцахъ проводить все свободное время: ихъ нужно, конечно, угощать. Еще разъ отмѣчу, что «атаца» за все время присутствія постороннихъ лицъ должна стоять на ногахъ у стѣны своей «амхарà».

Своеобразный табу существуетъ у абхазовъ для невесты: она не имѣетъ права называть по имени ни одного родственника мужа, ни живыхъ, ни мертвыхъ, кромѣ дѣтей. Нечего и говорить, что и мужа не можетъ называть по имени. Она должна всѣмъ дать новыя имена, конечно, только для себя. Старшаго же въ родѣ или своего тестя она величаетъ ḡaḡe (ḡḡe ḡ), т. е. *нашимъ владѣтелемъ*, и, вопреки законамъ абхазскаго языка, не терпящаго множественнаго числа, когда говорятъ объ одномъ лицѣ, про ḡaḡ, тестя и тещу выражается во множественномъ числѣ.

Мужъ тоже не можетъ называть по имени свою жену, тещу и тестя, а иногда старшихъ сестеръ и братьевъ жены.

Невеста не имѣетъ права безъ особаго разрѣшенія говорить со стар-

шими не только рода, но и съ почетными лицами въ селѣ. Здѣсь старчество, лѣта играютъ большую роль: чѣмъ старше человекъ, тѣмъ больше почета ему въ Абхазіи. И тоже въ данномъ случаѣ: абхазскія невѣстки десятки лѣтъ живутъ и прислуживаютъ старшимъ въ родѣ, не разговаривая съ ними. Кто хочетъ, чтобы невѣстка заговорила съ нимъ, тотъ долженъ попросить ее говорить съ нимъ, послѣ чего она отвѣшиваетъ глубокой поклонъ, но въ тотъ разъ не заговоритъ: съ другой встрѣчи «дастъ ему слово», начнетъ говорить. Тоже самое относительно сидѣнія. По адату прежде должна заговоритъ невѣстка, а потомъ черезъ нѣкоторое время по просьбѣ же даннаго лица разрѣшить себѣ сѣсть въ присутствіи его. Она во всю свою жизнь не имѣетъ права сидѣть на одной скамейкѣ со свекромъ, свекровью и со старшими деверями и золовками. Напротивъ, ея стулъ долженъ быть ниже ихъ стульевъ. Въ такомъ же положеніи и зять: и ему не разрѣшается сидѣть на одной скамейкѣ съ тестемъ, тещею и со старшими рода жены.

Женихъ и невѣста долгое время не могутъ вмѣстѣ показываться старшимъ въ родѣ¹⁾. Они показываются вмѣстѣ прежде младшимъ членамъ семьи, а потомъ и старшимъ и это только послѣ усиленныхъ просьбъ со стороны послѣднихъ.

Въ первые два года «атаца» (а-дѣда) — настоящая рабыня семьи: во время обѣда и ужина она должна подавать воу для омовенія рукъ, стоять, когда члены семьи принимаютъ пищу, мыть ноги ихъ, когда понадобится и т. д. Единственное мѣсто, гдѣ она можетъ свободно вздохнуть, это — «амхарà», къ помощи коей часто и прибѣгаетъ. Несмотря на такое тяжелое положеніе «атаца», абхазки обижаются, если ихъ не заставляютъ пройти весь кругъ атацара (а-дѣдара), т. е. весь кругъ обязанностей невѣстки. Настолько сильна сила вѣками освященнаго обычая! Кстати отмѣчу, что, по моему, главною причиною того, что въ Абхазіи новые брачные союзы такъ скоро отдѣляются отъ родителей, служить такое незавидное положеніе невѣстки въ семьѣ.

Какъ бы ни былъ бѣденъ абхазъ, онъ долженъ имѣть два дома (плетенки). Одинъ, по-больше размѣромъ, называется «большой домъ», асааѣугда (sʰsʰaʰʰoʰsʰ), т. е. «мѣсто, куда приходятъ гости», «гостиная», настоящее старинное его названіе аһаҭап (sʰsʰʰʰʰ) или еще асаѣ дѣдѣ, а другой — амһагà. Какъ и выше отмѣчено, первый разъ невѣста вводится въ «амхарà», гдѣ и остается до исполненія обряда, извѣстнаго подъ названіемъ аҭпәдү-

1) На дняхъ (лѣтомъ 1915 года) я былъ свидѣтелемъ, какъ супруги послѣ 29-лѣтней совмѣстной жизни впервые покaзались вмѣстѣ представителямъ своего рода!

пагага: аупѣ — «домъ», а-ди — «большой», а-пагага — «приводить», т. е. *сведение въ большой домъ*; до этого времени она не имѣетъ права входить въ «большой домъ». Недѣля черезъ двѣ послѣ свадьбы устраивается небольшое пиршество, скорѣе — жертвоприношеніе. Когда все готово, подъ скрещенныя шашки (или кинжалы) молодыми людьми вводится въ большой домъ невеста, при этомъ ее встрѣчаетъ и благословляетъ свекоръ или старшій въ родѣ. У него въ рукахъ нанизанныя на палочку сердце и печень животнаго и стаканъ вина. Онъ съ молитвою обращается къ Аѣагага сего дома и проситъ благословенія и милости его на новаго члена семьи, причемъ между прочимъ говоритъ: «*ѣуага взуаѣ*», т. е. «сдѣлай ее плодovitою». Аѣагага — это покровитель дома, какъ бы богъ размноженія, плодovitости рода человѣческаго. По моему, этимология этого слова такова: аѣ — «мясо», «плоть», аага отъ (а)еуага — «больше», т. е. *увеличеніе рода (плоти)*. Это «введение въ большой домъ» — ничто иное, какъ умиловительное жертвоприношеніе вообще богамъ и духамъ, а въ частности аѣагага новаго члена семьи — невесты. Съ этого дня двери большого дома для нея открыты.

Послѣ первыхъ родовъ абхазка должна явиться въ домъ родителей и «*помолиться подъ Ажахара*» (*amtanѣага молиться около*): совершается обычное жертвоприношеніе съ «акваваръ». Молящійся между прочимъ говоритъ: «*Принося жертву по примѣру отцовъ, просимъ милости разрѣшить выходъ ея изъ этой семьи и присоединеніе къ другой семьѣ, благослови ея дѣторожденіе и т. д.*». Въ жертву обыкновенно приносится холощенный козель. При усиленной смертности дѣтей съ искупительными жертвоприношеніями обращаются къ тому же «Аѣагага» дома матери ихъ. Если она обязана и святынѣ «ажира», то тоже должна и передъ ней *стимолиться* послѣ первыхъ родовъ (см. Шапѣ).

Абхазка и послѣ выхода замужъ должна почитать сама лично всѣхъ боговъ и духовъ своихъ родителей, а также праздновать ихъ священный день *наравнѣ съ богами и духами мужа своего, и также его священнымъ днемъ* (о немъ смотри Шапѣ). Обязанности по отношенію къ этимъ богамъ и духамъ переходятъ къ ея дѣтямъ, т. е. по женской линіи, въ случаѣ вымирания цѣлаго рода, изъ которой происходитъ она. Вотъ почему часто встрѣчаются семьи, которыя празднуютъ въ недѣлѣ три дня: священный день по женской (материнской) линіи, день отцовъ (мужская линія) и христіанскій день; а женщины сплошь и рядомъ по два, три дня празднуютъ.

Обрядовое шествіе невесты къ водѣ — аѣѣагага (аѣ — «вода», а-ѣ — «голова (берегъ)», а-гага — «водить», «приводить»), т. е. *приводить къ водѣ*,

точнѣе, *къ берегу воды*. Для этого семья устраиваетъ «обѣдъ для женщинъ», на которомъ могутъ присутствовать только замужнія женщины. Послѣ обѣда старыя женщины ведутъ въ новомъ нарядѣ невѣсту къ водѣ. Здѣсь одна изъ старшихъ молится и проситъ *аѣѣѣѣ въ водѣ находящуюся*, *дѣѣѣѣѣ мать воды*, «*дѣѣѣѣѣ*» *владычицу, царицу воды* «умилостивиться надъ ней, быть ея покровительницею и хранительницею въ родахъ, въ домашнемъ быту, при кормленіи шелковичныхъ червей и т. д., и при этомъ ея какое-либо платье мочать въ водѣ, а нѣкоторыя бросаютъ и яйца въ воду. Послѣ этого обряда ей разрѣшается ходить къ водѣ.

Черезъ годъ или полтора зять съ женою ѣдетъ къ родителямъ жены, причемъ онъ всѣмъ родственникамъ жены раздаетъ подарки, если только до сихъ поръ не роздалъ. Эти подарки называются *аѣѣѣѣ*: *аѣѣ* — «ротъ», *а-пѣѣѣѣ* — «класть», «положить на» что-нибудь.

Такіе же подарки раздаетъ женихъ во время свадьбы и своимъ роднымъ и старшимъ родственникамъ, послѣ чего онъ пріобрѣтаетъ нѣкоторыя права: курить табакъ, переходить къ нимъ съ виномъ «аллаверды» и т. д. Эти подарки тоже *аѣѣѣѣ*.

Зять долженъ наградить подарками, когда его посѣтятъ, свою тещу, шуриновъ, свояковъ, свояченицъ и т. д. По обычаю и онъ получаетъ отъ нихъ подарки. Особенно торжественно награжденіе подарками воспитанника рода жены.

При выдѣленіи новой хозяйственной единицы всѣ сосѣди и родственники считаютъ своею обязанностью помочь ей чѣмънибудь: мужчины помогаютъ своимъ трудомъ, а женщины дарятъ, кто домашнихъ птицъ, кто тарелки и т. п. Если у новосельцевъ нѣтъ кукурузы, то сосѣди снабжаютъ ихъ кукурузою до новаго урожая.

По обычаю, трудъ «атаца» тоже даровой: она всѣмъ, кто только къ ней ни обратится, шьетъ даромъ. Вообще въ Абхазіи до сихъ поръ женщины постороннимъ шьютъ даромъ. А «атаца» особенно завалена работою.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о добрыхъ супружескихъ отношеніяхъ абхазовъ. Мужъ не имѣетъ права бить свою жену: за это онъ отвѣчаетъ предъ родомъ ея. Разврата въ Абхазіи нѣтъ пока: родъ строго слѣдитъ за нравственной жизнью «своихъ женъ»; и если, паче чаянія, появится у кого-либо гуляющая жена, то она должна быть удалена изъ рода. Въ данномъ случаѣ поведеніе ея разбираетъ вышеописанный народный судъ. При личности уликъ жена не имѣетъ права получить что-нибудь отъ мужа; при недостаточности уликъ, мужъ долженъ заплатить «за ея кровь» ея роднымъ.

Въ этихъ случаяхъ родъ не считается съ мнѣніемъ мужа: честь рода выше всего на свѣтѣ для правовѣрнаго абхаза!

Вѣнчаніемъ абхазы не спѣшатъ: часто они своихъ дѣтей крестятъ раньше, чѣмъ обвѣнчаются сами. Вообще во взаимоотношеніяхъ абхазовъ вѣра почти никакой роли не играетъ: свободно выходятъ мусульманки за христіанъ, а христіанки — за мусульманъ.

IV. Обычаи, соблюдаемые при рожденіи и воспитаніи дѣтей¹⁾.

Молодая женщина — будущая мать никому изъ старшихъ лично не сообщаетъ о томъ, что она въ положеніи: стыдно объ этомъ говорить со старшими вообще, а въ частности съ мужчинами, какого бы возраста онъ ни былъ. Объ этомъ изъ устъ ея можетъ узнать только мужъ. Остальнымъ она сообщаетъ черезъ посредство женщинъ, моложе ея по лѣтамъ. Она ведетъ обыкновенную жизнь. Прихоти, вызываемыя положеніемъ ея, она можетъ вполне удовлетворять. Если старшая въ семьѣ женщина захочетъ предостеречь отъ чего либо, наставить, то она говоритъ объ этомъ индиректно, какъ-бы про другую говоритъ; этимъ она щадитъ ея стыдливость²⁾.

Великій актъ появленія новой жизни абхазы встрѣчаютъ благоговѣнно. Чтобы облегчить роды, абхазки напередъ призываютъ милость боговъ и духовъ, особенно тѣхъ, которые имѣютъ прямое отношеніе къ родамъ. Такъ, какъ только начнутся роды, сейчасъ повитуха даетъ обѣтъ и кладетъ залогомъ — «ашась» (â-shas) слѣдующимъ покровителямъ дома, прося у нихъ счастливаго и милостиваго разрѣшенія родовъ у данной особы. Первый «ашась» кладется духу, внѣ дома находящемуся — афэнѣков. «Ашась» этотъ долженъ быть непременно мѣдный, особенно въ ходу мѣдная сковорода съ длинною ручкою — «адырганъ» (a-dərgàn, г. ႠႣႣႣ ႠႣႣႣ). Повитуха трижды обводитъ ею вокругъ головы больной, почему эти залогомъ

1) Привожу здѣсь же слѣдующую легенду. Одна беременная женщина верхомъ на сужеребой (абх. амака — а-тақа, г. ႠႣႣႣ ႠႣႣႣ) кобылѣ поднималась по высокой горѣ. Она сжалилась надъ кобылой, слѣзла и пѣшкомъ поднялась на гору. Тогда сужеребая кобыла попросила Создателя вознаградить женщину за такое человѣчное обращеніе съ нею тѣмъ, чтобы вообще женщины рожали дѣтей на 9 мѣсяцѣ, какъ до того времени было съ сужеребыми кобылами, а имъ, кобыламъ, назначить срокъ родовъ 12-тимѣсячный, какъ у женщинъ было до тѣхъ поръ. Богъ исполнилъ эту просьбу: вотъ почему теперь у женщинъ 9-тимѣсячный срокъ, а у кобылъ — 12-тимѣсячный.

2) См. Моамбѣ 1897, XI.

также называются и акэѣшаѣ, кладеть на нее кошель и прячетъ гдѣ-либо въ чистомъ мѣстѣ.

Второй залогъ—«ашасъ» для Аѣага. Здѣсь употребляется тарелка или бутылка, которая тоже трижды обводится вокругъ головы роженицы и прячется.

Для *Adgil-dedozal Царицы земли повитуха беретъ пять яицъ, кладеть ихъ подь роженницею на землю, проводитъ (катитъ) по ней, а потомъ по одному яйцу зарываетъ глубоко въ землю у каждаго угла дома, пятое же прячетъ до поры до времени.*

Большая должна разрѣшиться непременно на землѣ, на которую кладуть чалу¹⁾—*àçh*.

Мужчина, кто бы онъ ни былъ, не имѣетъ права посѣщенія роженицы. Мужъ же, особенно если первые роды, долженъ куда нибудь скрыться: стыдно показаться²⁾!

Появленіе новой жизни абхазы встрѣчаютъ выстрѣлами изъ ружей. Рожденіе сына сугубо празднуется, причемъ подь его голову кладуть пулю.

Послѣдъ или дѣтское мѣсто крѣпко завязывается въ платокъ и глубоко зарывается въ землю. При этомъ, если мать не хочетъ больше имѣть дѣтей, кончикъ послѣда обжигаютъ, а потомъ предають землѣ.

Ножницы, коими отрѣзали пупъ у новорожденнаго, должны лежать безъ употребленія, пока рана не заживетъ.

Обыкновенно на 14—15 день совершается обрядъ выкуна залоговъ и приношенія умиловительныхъ жертвъ. До этого дня роженица не встаетъ съ постели. Это называется *agəlaqə*³⁾ отъ слова *a-gəlaqa* *оставать, поднимать*. Это настоящій женскій праздникъ. Свекровь роженицы или одна изъ родственницъ за два, три дня обходить всѣхъ женщинъ своего околка и приглашаетъ ихъ на *a-gəlaqə*. Въ назначенный день

1) Чала — грузинское слово, принятое и русскими на Кавказѣ, въ значеніи кукурузной соломы.

2) При трудныхъ родахъ прибѣгаютъ къ слѣдующимъ средствамъ. Во-первыхъ, слѣва кладутся ножницы и веретено, а справа — ножикъ и шило, при чемъ повитуха новаго члена семьи привѣтствуетъ такъ: «Если ты мальчикъ, иди (выходи) направо, а если — дѣвочка, — налево. Во-вторыхъ, черезъ тѣло больной должно трижды перешагнуть лицо, которое освободило лягушку изъ пасти змѣи и между ними прошло, причемъ говорить: *bəwpaɕəɕit* *отпустилъ тебя* (женщину). Въ третьихъ, дають ей пить алмазную воду (кладется въ стаканъ воды алмазь, и это вода извѣстна подь этимъ именемъ). Въ четвертыхъ, если можно достать, то привязываютъ къ поясицѣ больной *a-pəɕiməɕə*.

3) Гурійцамъ нѣчто подобное извѣстно подь названіемъ *loginis aqəbu* (бука. «поднятіе (> уборка) постели».

рано собираются онѣ, причемъ каждая изъ нихъ доставляетъ что-нибудь, особенно куръ и сыръ. Если семья состоятельная, то рѣжется баранъ или козель, а то рѣжутъ однѣхъ куръ. Никто изъ мужчинъ не можетъ посѣтить это пиршество, кромѣ дѣтей. Вотъ теперь-то происходитъ выкупъ залоговъ, т. е. приношеніе жертвъ.

Съ нѣсколькими, начиненными сыромъ «аквакваръ», повитуха обращается къ Аѣаѣага и говоритъ: «Точно исполнивъ все то, что намъ завѣщали наши отцы, смиренно просимъ тебя, великій Ажѣхара, быть милостивымъ къ роженицѣ и ея ребенку; не оставляй ихъ безъ своего теплаго вниманія, какъ не оставляешь безъ своей милости и кровь сей» и т. д. Потомъ жертвоприношеніе «Внѣ дома находящемуся»¹⁾. Въ жертву сего духа вярятся кашлунъ и одна курица и нѣсколько «аквакваръ», причемъ повитуха и говоритъ: «Вы всѣ, которые внѣ дома находитесь, будьте милостивы къ ней, охраняйте ее и весь домъ ея отъ всякаго нечестиваго» и т. д. Нужно отмѣтить, что этотъ «Внѣ дома находящійся» ставится то въ единственномъ, то во множественномъ числѣ. Залогъ освобождается.

Слѣдующее жертвоприношеніе въ честь «царицы земли». На томъ мѣстѣ, гдѣ родился ребенокъ, повитухою (непремѣнно должна заколоть женщина) закалываются пѣтухъ и курица, которыхъ могутъ кушать только мужъ и жена, и никто другой²⁾. Ихъ то и 5—6 кусковъ начиненнаго сыромъ чурека (ашѣтгал) приносятъ въ жертву повитуха и молится: «Великая царица земли! Сегодня така-то, исполняя свой обѣтъ и выкупая свой «ашасъ» (а-шас), смиренно просить тебя быть покровительницею ея и ея ребенка: избавь ихъ отъ головной боли, отъ зубной и другихъ болей» и т. п.

Въ тотъ же день пекутся 4 круглыхъ «аквакваръ», а пятый—на подобіе рога мѣсяца; круглые «аквакваръы» повитухою три раза проводятся черезъ кругъ, образуемый присоединеніемъ большихъ и указательныхъ пальцевъ роженицы, при чемъ она трижды повторяетъ: «развязала!» Послѣ этого она будетъ рожать дѣтей такъ же свободно, какъ свободно проходили «аквакваръы» черезъ этотъ кругъ. Пятый «аквакваръ», въ формѣ рога мѣсяца, повитуха накладываетъ на пупъ а-ѣаранѣ (г. ჯაბო ტიპ-ი), молясь, чтобы съ сего часа у ребенка не болѣлъ пупъ.

Если агаѣаѣ совпалъ съ четвергомъ, въ тотъ же день, а если нѣтъ, то послѣ него въ одинъ изъ четверговъ приносится жертва и духу воды —

1) Порядокъ жертвоприношенія не вездѣ одинаковъ. Въ большинствѣ случаевъ эта жертва приносится послѣ а-гаѣаѣ въ одну изъ субботъ, въ день духовъ.

2) По объясненію нѣкоторыхъ, мясо этой курицы могутъ ѣсть и старыя женщины, у которыхъ дѣторожденіе прекратилось.

Дзыдланъ (Dǝdlan). Закальваются и варятся «чисто бѣлые» (q̄d̄euyq̄at̄la-zad̄am, по грузински ႱႱႱႱ ႱႱႱႱ ႱႱႱႱ ႱႱႱႱ ႱႱႱႱ) пѣтухъ и курица и пекутся «акваквары». Роженица съ ребенкомъ и съ этими дарами идетъ къ рѣкѣ, и здѣсь повитуха, принося жертву, молятся: «Великая Dǝdlan — ႱႱႱႱႱႱ! Такая то сегодня исполнила обычай отцовъ своихъ, принесла тебѣ жертву и милостиво просить тебя быть ея покровительницею» и т. д. Послѣ родовъ до совершенія сего жертвоприношенія роженица не имѣетъ права идти къ рѣкѣ. При слѣдующихъ родахъ ограничиваются однимъ бросаніемъ въ воду яицъ.

Когда новаго члена рода вводятъ въ домъ представителя рода (старшаго), въ жертву «Ажахара» (A-ႱႱႱႱႱႱ) приносятъ кто козла, а кто и пѣтуха.

АщႱႱႱႱ - фкага отъ а-щႱႱႱႱ *пята* и а-фкага *рѣзать*. Если ребенокъ не начинаетъ долго ходить, то печется сыромъ начиненный чурекъ на огнѣ; ноги ребенка заплетаются шерстяною (войлочною) лентою, и онъ ставится тою же повитухою на чурекъ; она разрѣзываетъ ножомъ ленту и говоритъ: «Пятки разъединила (*буж.* разрѣзала) и отпустила тебя». При этомъ чурекъ раздаютъ дѣтямъ по кусочку, а они должны съѣсть свои куски, рѣзвясь и бѣгая.

Чанъ (ႱႱႱႱ). Если и это средство не помогаетъ, то обращаются къ помощи духа ႱႱႱႱ. Онъ духъ очага, по объясненію Комиссіи: ростомъ малъ, не выше самого очага. По совѣту знахарокъ, этому духу молятся такъ. Достаютъ воду и камешки изъ семи различныхъ ручьевъ и рѣкъ, по кусочку чего либо отъ семи дворовъ; приглашаютъ трехъ или семерыхъ старухъ, зажигаютъ семь восковыхъ свѣчей. И вотъ повитуха, стоя съ ребенкомъ передъ очагомъ, покрытымъ чурекомъ, обращается къ Чану и молится: «Великій Чанъ! Если этого ребенка ты поймалъ въ водѣ, то отпусти его; если на камнѣ поймалъ, тоже отпусти; если у сосѣдей поймалъ, тоже отпусти; если у очага поймалъ, тоже отпусти; гдѣ бы ни поймалъ, отпусти его, развяжи ноги и отпусти! Для того, чтобы угодить тебѣ, мы собрали семь старухъ, съ семи рѣкъ воду соединили, съ семи рѣкъ камешки собрали и смѣшали, а также по кусочку отъ семи дворовъ смѣшали! Просимъ тебя, развяжи ноги ему!»

Если у сосѣдокъ одновременно родились дѣти, то непременно одно изъ нихъ будетъ худощавымъ, хилымъ; чтобы этого не случилось, каждая мать тайкомъ отъ другой должна накормить своею грудью чужого ребенка: послѣ этого оба ребенка будутъ расти нормально. Если почему либо не смогли сдѣлать этого, то прибѣгаютъ къ слѣдующему средству. Въ трехъ кисе-

тахъ кладутъ по 24 зерна мелкаго орѣха и подъ вечеръ кладутъ ихъ подъ изголовіе хилаго ребенка. Отецъ же ребенка въ продолженіе одной недѣли долженъ бросить эти кisetы туда, гдѣ скрещиваются три дороги вмѣстѣ: одинъ кisetъ онъ выносить во вторникъ, день Земли (духу земли молятся по вторникамъ); другой — въ четвергъ, день Неба, Бога, а третій — въ субботу, день духовъ предковъ, причемъ боговъ и духовъ просить объ исцѣленіи своего чада. Это извѣстно подъ именемъ акыркъ (а-kəŋq).

Адзгыхра (adžəŋra). Слово значитъ «черпаніе воды», adž вода и а-žəŋra черпать, брать воду.

Если ребенка часто лихорадитъ, то прибѣгаютъ къ слѣдующему средству.

Берутъ больного ребенка къ рѣкѣ и здѣсь повитуха проситъ царицу воды умиловаться надъ больнымъ ребенкомъ и его отпустить, освободить отъ лихорадки. При этомъ она мѣднымъ рукомоинникомъ (а-gəgəŋm) черпаетъ воду, бросаетъ въ этотъ рукомоинникъ три камешка изъ той же рѣчки и, по возвращеніи домой, моетъ (купаетъ) больного ребенка этою водою. Камешки же хранятся до поры до времени. Черезъ нѣсколько дней вторичное шествіе къ водѣ. Здѣсь закалывается молодая курочка, кровь которой льется въ воду, и повитуха, бросая въ воду же тѣ камешки, опять призываетъ милость духа воды на больного ребенка, тутъ же присутствующаго со словами: «Великая владычица воды! отпусти его и избавь его отъ болѣзней!»

Aħaŋa-žəŋra. Существуетъ еще болѣе вѣрное средство отъ лихорадки. Повитуха въ присутствіи больного ребенка ольховымъ листомъ зачерпываетъ воду изъ рѣки, обычную молитву произноситъ и, завязавъ листъ, надъ очагомъ вѣшаетъ воду въ листѣ. Черезъ нѣсколько дней, когда вода испарится, молится царицѣ водъ такъ, какъ при «черпаніи воды». Иногда дѣтей, страдающихъ лихорадкой, обливаютъ черезъ сито холодною водою: очень, молъ, помогаетъ.

Какъ чисто дѣтское средство, я долженъ отмѣтить еще слѣдующее: при заболѣваніяхъ корью, дѣтей проводятъ подъ корень орѣховаго (грецкаго) дерева: послѣ этого приѣма духъ кори, имени котораго мнѣ не удалось отмѣтить, освобождаетъ дѣтей отъ болѣзни.

Такъ же поступаютъ и съ коклюшемъ (а-ушħəŋpə).

Тотъ, кто сниметъ первые (утробные) волоса ребенка, родится какъ съ ребенкомъ, такъ и съ его семьею. Первые волоса прячутъ и, когда ребенокъ заговорить, показываютъ ему, при этомъ задается ему вопросъ: «Чьи эти волоса?» На кого ребенокъ укажетъ, его счастьемъ будто бы на-

граждается и ребенокъ; напр., если скажетъ, «коровьи» — то онъ будетъ счастливымъ пастухомъ и т. д.

Первые ногти дѣвочки отрѣзываются и кладутся въ «ачангурѣ» (а-ḡanguḡ, г. «чонгур-и»), а мальчика — въ айхярца: хорошіе-де музыканты будутъ.

Н. Дманашія.